Охота На Ведьму

Конюшенко Егор

Егор Конюшенко
Охота На Ведьму

https://litres.ru/74793017
SelfPub; 2026

Аннотация

Женщины в посёлке Благодатном не исчезают — их забирает Лесная ведьма.

Так говорят старообрядцы, триста лет скрывавшиеся в глухой сибирской тайге от петровских реформ и от всего остального мира: запирают ворота на засов, забивают гвозди в косяки, чтобы «не вышла», молчат на допросах и встречают чужаков взглядом, от которого стынет кровь.

Бывшая следовательница Ева Строгова, сломленная после провала, из-за которого погиб ребёнок, соглашается на заказ странного консультационного бюро «Шёпот»: найти рыжую студентку-фольклористку, пропавшую три месяца назад. Но с первого же прикосновения к чужим вещам её проклятый дар — видеть последние секунды чужой смерти — показывает ей то, чего не покажет ни одно досье: грубые руки в кожаных рукавицах, красную нить, затягивающуюся на девичьем запястье, и спиральный оберег, который она потом узнает на татуировке старосты посёлка.

Содержание

Глава 1. Дар проклятых 5
Глава 2. Зубы тайги 26
Глава 3. Староста 47
Глава 4. Клетка из стыда 69
Глава 5. Первая жертва 90
Конец ознакомительного фрагмента. 94

Егор Конюшенко
Охота На Ведьму

Глава 1. Дар проклятых

Сигаретный дым слоился под потолком, подсвеченный мертвенным сиянием монитора. Ева сидела, поджав под себя ноги, в продавленном кресле, обитом вытертым велюром, и смотрела на экран, где застыл стоп-кадр с камеры наблюдения. Размытый силуэт у подъезда, таймкод — три сорок семь утра. За спиной, на кухне, гудел пустой холодильник. В пепельнице росла гора окурков — Parliament Aqua Blue, единственная марка, которую она признавала после того, как полгода назад случайно купила пачку в круглосуточном ларьке и обнаружила: её дым напоминает о времени, когда всё ещё было… нормально.

Видео она перематывала уже в пятый раз. Никакой магии — только муторная, методичная работа. Заказчик, немолодой антиквар с Мясницкой, подозревал продавщицу в краже серебряной пудреницы XVIII века. Пудреница стоила копейки, но антиквар платил щедро. Еве было всё равно. Она щёлкнула колёсиком мыши, отматывая дальше. На мгновение задержалась на кадре, где силуэт замер у двери — ей показалось, что фигура неестественно высокая, но это, конечно, была просто игра теней.

Где-то на лестничной клетке хлопнула дверь, залаяла собака. Ева поморщилась. Этот дом на Пресне она ненавидела всей душой — тонкие стены, крикливые соседи, запах кислых щей из вентиляции. Но после развода это было единственное жильё, которое она могла себе позволить, не за-

лезая в долги. Олег оставил ей квартиру, а себе — машину, дачу и чувство морального превосходства. Он всегда был мастером благородных жестов, которые на поверку оказывались просто удобным способом избавиться от чувства вины.

Она чиркнула зажигалкой и прикурила новую сигарету. Руки дрожали. Последние три ночи она спала урывками — всякий раз, закрывая глаза, она видела мальчика. Того самого, из Чертанова. Его грязные кроссовки, застрявшие в решётке водостока. Его затылок, пробитый чем-то тяжёлым, — она увидела его, когда наконец решилась войти в заброшенный цех. Слишком поздно. На двадцать семь минут позже, чем нужно. Её напарник тогда кричал в рацию: «Строгова, ты чего застыла?», а она стояла, парализованная видением — картинка была такой яркой, такой реальной, что она буквально чувствовала запах крови и слышала хриплое дыхание убийцы. Но страх перед тем, что она видела, сковал её по рукам и ногам.

Пепел упал на клавиатуру. Ева выбралась из кресла и пошла на кухню, морщась от боли в затёкшей пояснице. В раковине громоздилась грязная посуда. Она открыла кран, плеснула холодной водой в лицо и на мгновение замерла, уставившись на своё отражение в тёмном окне. Тридцать один год. Серые глаза с красными прожилками. Волосы, собранные в небрежный пучок, из которого выбивались сальные пряди. Острые скулы, которые раньше называли «породистыми», а теперь — «измождёнными». Когда-то на неё огля-

дывались мужчины. Когда-то она носила форму и чувствовала, что занимается настоящим делом.

Она не помнила, когда в последний раз нормально ела.

Звонок в дверь раздался в десять утра — как раз когда Ева, наконец провалившаяся в тяжёлое забытьё, видела третий сон за месяц. Она вздрогнула, дёрнулась в кресле, едва не опрокинув пепельницу, полную окурков. Звонок повторился — длинный, требовательный, без тени сомнения, что дверь откроют. В этом звуке не было вежливого ожидания — только уверенность, которая заставила её сразу насторожиться.

— Кого там черти принесли, — пробормотала Ева, нашаривая ногами стоптанные тапки.

В глазке колыхнулась темнота — кто-то стоял слишком близко. Она помедлила, проверяя цепочку, потом отодвинула засов. На пороге стоял мужчина. Высокий, чуть за пятьдесят, в безупречно отглаженном сером костюме, несмотря на духоту московского августа. Серебристые виски, дорогие очки в тонкой металлической оправе. В руках он держал кожаный портфель, который смотрелся так, будто его только что доставили из Милана. От него исходил аромат дорогого одеколона — что-то пряное, с сандалом и, кажется, табаком. Не купленным в ларьке, а настоящим трубочным табаком, который привозят из Дамаска в жестяных банках. Ева сразу отметила, что он не оглядывается по сторонам — ни на облупившуюся краску, ни на переполненный мусорный пакет

у двери. Такие люди видели только то, что хотели видеть.

— Евгения Викторовна Строгова? — его голос звучал ровно, почти интимно. Никаких тебе «простите за беспокойство».

— Ева, — поправила она машинально. — Просто Ева. И отчество я сменила после развода.

— Как вам удобно. — Мужчина не улыбнулся, но в уголках его губ что-то дрогнуло. — Моё имя — Виталий Романович Берг. Я представляю агентство «Шёпот». Могу я войти?

Она оперлась плечом о дверной косяк, загораживая проход. Ей не хотелось впускать его в свою берлогу, где каждый окурок и каждая немытая чашка кричали о том, как низко она пала. Но любопытство пересилило.

— «Шёпот», — повторила она задумчиво. — Частный сыск?

— Скорее, консультационное бюро. Мы решаем проблемы деликатного свойства. Те, которые официальные органы решать не хотят или не могут. У нас работают люди с особыми талантами.

— И чем я могу быть полезна деликатному консультационному бюро?

— Вы — бывший следователь убойного отдела, — Берг не спрашивал, он констатировал. — Десять лет в органах. Семьдесят два процента раскрытых дел, из них почти треть — «висяки», от которых отказались другие. Вы уволились два года назад по собственному желанию, хотя на самом де-

ле…

— Достаточно. — Ева вскинула руку, останавливая его. — Вы забыли добавить, какую марку сигарет я курю и сколько раз в месяц плачу за коммуналку.

— Parliament Aqua Blue. И счета за коммунальные услуги вы оплачиваете раз в месяц, обычно с опозданием на неделю.

Она невольно хмыкнула. Этот тип начинал ей нравиться. То есть, конечно, не нравиться — Ева давно разучилась испытывать симпатию к кому бы то ни было, — но вызывать профессиональное уважение. Он не играл в вежливость, не пытался изображать сочувствие. Он был деловым, конкретным, и это странным образом успокаивало.

— Ладно. — Она посторонилась, пропуская его в прихожую. — Пять минут. У меня действительно нет времени. — И тут же осознала, насколько фальшиво это прозвучало в её захламлённой, пропахшей сигаретами берлоге, где время давно остановилось.

Берг прошёл в комнату, не оглядываясь по сторонам. Сел на край продавленного дивана, положил портфель на колени и щёлкнул замками. Достал тонкую папку, из которой выскользнул глянцевый снимок. На мгновение задержал его в пальцах, словно давая Еве возможность подготовиться.

— Алиса Ветрова, — сказал он. — Двадцать три года. Студентка-фольклористка из Санкт-Петербургского университета. Три месяца назад отправилась в этнографическую экспедицию в Сибирь. Записывала обрядовые песни старо-

обрядцев. Последнее сообщение от неё пришло из посёлка Благодатное — это в Красноярском крае, глухая тайга, добраться можно только вертолётом или по реке.

Ева взяла снимок в руки. С фотографии на неё смотрела рыжеволосая девушка с открытой улыбкой и задорными веснушками на переносице. В уголке снимка виднелся край чьего-то плеча — должно быть, друга или случайного прохожего. Алиса выглядела так, словно только что смеялась над какой-то шуткой. Такие лица Ева видела в своих старых делах — лица жертв, которые ещё не знали, что они жертвы. Оптимистичные, полные планов на жизнь.

Она ожидала, что её накроет. Ожидала того самого холодка в пальцах, который предвещал видение. Но нет — глянец оставался просто глянцем. Тишина. Однако подушечки пальцев слегка онемели, как всегда бывало перед сильным приступом. Она знала, что дар не дремлет, а лишь выжидает.

— Родители обратились в полицию, но та разводит руками, — продолжал Берг. — Посёлок закрытый. Живут по своим законам. Чужаков не пускают. Местный участковый отписался стандартной формулировкой — «вышла за периметр, предположительно утонула в болоте». Но у нас есть основания полагать, что это не первый случай.

— Предположительно, — эхом повторила Ева. — Красивое слово. Очень удобное, когда не хочется работать.

— Вот именно. Поэтому родители наняли нас. А мы хотим нанять вас. Вы идеально подходите для этой работы.

Ева положила фотографию на стол, перевернув изображением вниз. Подошла к окну и отдёрнула пыльную занавеску. Внизу, во дворе, дворник поливал асфальт из шланга, поднимая облака пара. Две старухи на лавочке провожали его подозрительными взглядами, будто он поливал не асфальт, а их личные грядки. Знакомая картина московского утра, которая вдруг показалась ей невыносимо чужой.

— Почему я? — спросила она, не оборачиваясь. — В Москве полно частных детективов. Молодых, амбициозных, не растерявших квалификацию. А я сижу в дыре и не практикую уже два года.

— Потому что ни один нормальный детектив не согласится на этот заказ, — ответил Берг. — А вы, как мне кажется, давно не считаете себя нормальной.

Она повернулась. Берг смотрел на неё в упор, и в его глазах читалось что-то похожее на понимание. Он не боялся её — и это настораживало. Обычно люди, узнававшие о её «особенностях», либо шарахались, либо смотрели с жадным любопытством. Этот же глядел спокойно, как на привычный рабочий инструмент.

— Посёлок Благодатное имеет дурную репутацию, — сказал он. — За последние десять лет там пропали семь женщин. Все — приезжие. Все — в возрасте от двадцати до тридцати лет. И ни одного тела не нашли. Ни одного подозреваемого. Ни одного официального дела. Только слухи. Слухи о Лесной ведьме.

— Семь женщин, — повторила Ева. — И вы только сейчас заинтересовались?

— Мы заинтересовались, когда пропала Алиса. До этого мы не знали о существовании посёлка. Благодатное — белое пятно даже на спутниковых картах. Но недавно нам удалось получить информацию от человека, который там бывал. И эта информация нас встревожила.

— А сейчас знаете?

— Сейчас знаем достаточно, чтобы понять: там происходит что-то, с чем обычные методы не справятся. Нужен человек, который умеет видеть то, чего не видят другие.

Берг вытащил из портфеля ещё одну папку — на этот раз толстую, потрёпанную, с кожаными завязками. Положил на стол рядом с фотографией.

— Здесь всё, что нам удалось нарыть. Спутниковые снимки. Показания свидетелей. История поселения, основанного в 1703 году старообрядцами, которые бежали от петровских реформ. Они ушли в тайгу и жили в изоляции почти триста лет. Сейчас там около восьмидесяти человек. Патриархальный уклад. Главный — староста, его слово — закон. Женщины не имеют права голоса. Чужаков ненавидят. Выживают за счёт охоты и огородов. Внешний мир для них — источник скверны.

— И вы хотите, чтобы я поехала туда и просто спросила у них: «Ребята, вы случайно не убиваете приезжих девушек?» — Ева попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— Я хочу, чтобы вы поехали туда и вернули Алису Ветрову. Живой или мёртвой. На всё — месяц. Гонорар — полмиллиона рублей авансом, ещё полмиллиона по факту. Расходы на транспорт и экипировку берём на себя. Вам выдадут спутниковый телефон для экстренной связи и всё необходимое снаряжение.

Ева снова подошла к столу. Кончиками пальцев коснулась фотографии, перевернула её. Задержала дыхание. Она знала, что сейчас произойдёт, и всё равно не была готова.

И тогда это случилось.

Сначала — холод. Он пополз от подушечек пальцев вверх, к запястьям, к локтям, заставив её вздрогнуть. Затем мир вокруг начал терять резкость — комната, Берг, пыльная люстра под потолком — всё подёрнулось серой пеленой, как будто кто-то накинул на объектив камеры марлю. Знакомое чувство, от которого всегда перехватывало дыхание, — как прыжок в ледяную воду.

Потом пришёл звук. Тихий, ритмичный стук, похожий на капли дождя, бьющие по жестяному подоконнику. Только это был не дождь. Это было сердце. Чужое сердце, которое билось где-то в темноте — быстро, панически, с перебоями.

Перед глазами вспыхнула картинка. Серая, зернистая, будто снятая на старую киноплёнку. Чьи-то руки — грубые, мужские, в кожаных рукавицах с обрезанными пальцами. На запястье — татуировка, выцветший оберег в виде спирали. Ей показалось, что она уже видела где-то этот знак. Эти ру-

ки завязывают красную шерстяную нить на тонком девичьем запястье. Нить врезается в кожу, оставляя белую полосу, которая тут же наливается кровью. Пальцы двигаются с пугающей аккуратностью, словно выполняют ритуал.

Запах. Запах сырой земли, хвои и ещё чего-то — сладковатого, приторного, как ладан, смешанный с палёным воском. И крик. Высокий, пронзительный, захлёбывающийся. Крик, который обрывается так же внезапно, как начался. А потом — тишина, и в этой тишине кто-то шепчет слова на незнакомом языке.

Ева отдёрнула руку, будто обожглась о раскалённую конфорку. Фотография скользнула на пол, спланировала и легла на линолеум изображением вниз.

Дышать было трудно. Сердце колотилось где-то в горле, а во рту стоял металлический привкус — такое бывало всегда после видений. Она сжала пальцы в кулак, пытаясь унять дрожь. Берг молча наблюдал, не двигаясь.

Она обернулась к нему, ожидая увидеть удивление или испуг. Но тот сидел всё в той же позе, сложив руки на портфеле, и смотрел на неё с выражением, которое она не могла расшифровать. Не страх. Не любопытство. Скорее — удовлетворение. Как будто её реакция подтверждала какую-то его догадку, которую он вынашивал давно.

— Я так понимаю, вы увидели что-то важное, — сказал он.

Ева промолчала. Нагнулась, подняла фотографию и поло-

жила на стол — на этот раз аккуратно, уголок к уголку. Потом подошла к тумбочке, где стояла початая бутылка коньяка. Плеснула в стакан на два пальца, выпила залпом. Коньяк обжёг горло, но не унял дрожь в пальцах. Она налила ещё, но пить не стала — просто держала стакан, чувствуя его тяжесть.

— Вы знали, — произнесла она глухо. — Знали, что это сработает.

— Догадывался. У меня были сведения, что вы обладаете психометрическими способностями. Простите, что не предупредил заранее, но мне нужно было убедиться лично.

— И часто вы нанимаете людей с… отклонениями?

Берг впервые позволил себе улыбку — тонкую, как лезвие опасной бритвы.

— Агентство «Шёпот» специализируется на том, что обычные люди называют «необъяснимым». У нас работают экстрасенсы, медиумы, лозоходцы. И бывшие следователи с уникальными способностями. Мы не считаем это отклонением, Ева. Мы считаем это ресурсом. Редким и ценным.

— Ресурсом, — повторила она с горечью. — Красиво звучит. Как полезное ископаемое. А я, выходит, шахта.

— Полезное — безусловно. — Он не стал спорить.

Она прошлась по комнате, обхватив себя руками за плечи. Остановилась у окна, прижалась лбом к холодному стеклу. Дворник уже закончил поливку и теперь сидел на бордюре, курил, уставившись в одну точку. Обычная жизнь, в которой

нет места видениям и мёртвым девушкам.

В голове билась одна мысль: «Они знают». Они знают о её даре — или проклятии, как она сама его называла. И более того — они знали, что он сработает на фотографии. Знали о посёлке. Знали о пропавших женщинах. Слишком много знали. Но отступать было уже поздно.

И всё же это не имело значения. Потому что прямо сейчас, в эту самую минуту, где-то в глухой тайге Красноярского края умирала рыжеволосая девушка по имени Алиса. Или, что более вероятно, уже была мертва. И Ева видела последние секунды её жизни — видела руки в кожаных рукавицах, видела красную нить, видела спиральный оберег на запястье убийцы. Этот образ врезался в память, и она знала, что он будет преследовать её, пока она не найдёт владельца этих рук.

— Почему вы пришли именно сейчас? — спросила она, не поворачиваясь. — Три месяца девушка числится пропавшей. Три месяца вы собирали досье. Что изменилось сегодня?

Берг помолчал. Потом щёлкнул замками портфеля — на этот раз как-то по-другому, медленнее, что ли.

— Вчера мы получили координаты. Точное местоположение посёлка. И информацию о том, что через пять дней туда отправится вертолёт с припасами на зиму. Следующий рейс будет только в марте. Если вы не попадёте на этот вертолёт, следующего шанса не будет ещё полгода. А ждать мы не можем — есть основания полагать, что готовится новое исчез-

новение.

— И что будет с Алисой за эти полгода?

— Ровно то, что вы видели. Собственно, это уже произошло. Мы опоздали.

Ева медленно обернулась. Берг смотрел на неё всё тем же спокойным, изучающим взглядом, но теперь в нём появилось что-то ещё. Что-то похожее на сочувствие. Или на его хорошо срежиссированную имитацию.

— Вы понимаете, на что я подписываюсь? — спросила она. — Посёлок в тайге, восемьдесят человек, которые чужаков на дух не переносят. Связи нет. Помощи ждать неоткуда. Если со мной что-то случится, никто даже не узнает.

— Узнают. Через месяц, когда вы не выйдете на связь, мы отправим поисковую группу.

— Через месяц от меня останется только то, что не доедят болотные твари.

— Вы вправе отказаться, — Берг пожал плечами. — Я ни на чём не настаиваю. Но мне казалось, что человек с вашим послужным списком не привык отступать перед трудностями. Вы ведь когда-то говорили, что лучше сдохнуть в поле, чем гнить в кабинете.

— Человек с моим послужным списком привык заканчивать дела, которые начал. Даже если эти дела заканчивают его самого.

— Именно. Поэтому я здесь.

Ева вернулась к креслу, села, закурила новую сигарету.

Дым щипал глаза, но она не замечала. Мысль работала в усиленном режиме, перебирая варианты, как следователь перебирает вещдоки.

Она думала о том, что Берг недоговаривает. Что заказчики — возможно, вовсе не родители Алисы. Что «Шёпот» — скорее всего, прикрытие для чего-то более серьёзного. Что её посылают не как детектива, а как наживку. И что татуировка, которую она видела в видении, — не просто украшение, а знак, значение которого ей только предстоит узнать.

Но ещё она думала о мальчике из Чертанова. О его мёртвых глазах, устремлённых в потолок заброшенного цеха. О том, как она стояла у входа в тот цех и медлила целых двадцать семь минут, потому что боялась увидеть то, что показывал ей дар. О том, как Олег потом сказал: «Ты могла бы спасти его, если бы не твои фокусы». И о том, как она ничего не ответила, потому что он был прав.

Она дала себе слово, что это больше не повторится. Слово, которое нарушала каждую ночь, просыпаясь в холодном поту. Слово, которое теперь, глядя на снимок чужой беды, вдруг снова обрело вес.

— Мне нужны подробности, — сказала она, стряхивая пепел мимо пепельницы. — Всё, что у вас есть на этот посёлок. Карты. Спутниковые снимки. Список жителей, если таковой имеется. Имена пропавших женщин. Их даты рождения. Все обстоятельства. И желательно — информация о местных верованиях, обрядах, любые упоминания «Лесной

ведьмы». Я должна знать, во что они верят, чтобы понимать, с чем я столкнусь.

Берг кивнул и подвинул к ней через стол толстую папку с кожаными завязками.

— Здесь всё, что мы нашли. Остальное узнаете на месте. Там есть записи этнографов, которые бывали в тех краях лет двадцать назад, и несколько сообщений от геологов. Никто не задерживался там надолго.

Она раскрыла папку. Первый лист — спутниковый снимок. Крошечное пятнышко в море зелёной тайги, окружённое со всех сторон болотами. Два десятка точек — дома. Одна линия — улица. Загон для скота. Часовня на отшибе. И чёрная, как открытый рот, дыра в земле — вход в подземные ходы, которыми, судя по пометке на полях, пользовались ещё первые поселенцы.

Второй лист — список. Семь фамилий. Семь женщин, пропавших за последние десять лет. Ниже — несколько строк, которые Ева прочитала первыми.

Полина Свиридова, 26 лет. Журналистка. Приехала снимать репортаж о старообрядцах. Исчезла в августе 2013-го. Тело не найдено.

Мария Ковалева, 24 года. Волонтёр благотворительной организации. Исчезла в июне 2015-го. Последний раз её видели у часовни.

Ольга Новик, 28 лет. Геолог. Исчезла в сентябре 2017-го. Её палатку нашли пустой, а спальник — аккуратно сложен-

ным.

Список обрывался на Алисе Ветровой. Ева перечитала его трижды, и каждый раз что-то внутри неё сжималось в тугой, холодный узел. Все семь женщин пропали в интервале между июнем и октябрём. Все были молоды. Все были приезжими. И ни одна живая душа не заинтересовалась их исчезновением настолько, чтобы довести дело до суда. Словно тайга проглатывала их, не оставляя следов.

— Есть кое-что ещё, — сказал Берг, поднимаясь с дивана. — Последние данные от нашего информатора. Он сообщил, что в посёлке говорят о «Лесной ведьме». Мол, это она забирает женщин в лес. Якобы ей нужны жертвы, чтобы поддерживать свою силу. Разумеется, мы не придаём значения подобным суевериям. Но вам, полагаю, будет полезно знать местный фольклор. Особенно учитывая то, что вы видели.

— Лесная ведьма, — пробормотала Ева. — Потрясающе. Надеюсь, у вас есть и информация о том, как с ней бороться.

— Серебряная пуля, осиновый кол и святая вода — весь джентльменский набор. — Берг впервые позволил себе что-то отдалённо напоминающее шутку. — Но если серьёзно — я бы на вашем месте не расслаблялся. Там, куда вы едете, люди всерьёз верят в то, что для нас с вами является сказками. А когда человек верит во что-то достаточно сильно, он начинает действовать соответственно. И зачастую реальные преступления прячутся именно за такими верованиями.

Он протянул ей визитку — белую, с единственной строч-

кой: номер спутникового телефона. Ни имени, ни логотипа.

— Это номер спутникового телефона. Связь односторонняя — вы можете только отправлять сообщения. Эфир прослушивать не будут, но и ответа не ждите. Если ситуация станет критической, отправьте слово «Эвакуация». Мы сделаем всё возможное.

— «Всё возможное» звучит обнадёживающе, — хмыкнула Ева. — Ладно. Когда вертолёт?

— Послезавтра, в шесть утра. Вас доставят в Красноярск, оттуда — на место. Рекомендую собрать вещи сегодня. Ничего лишнего, только самое необходимое. Тёплая одежда, средства от насекомых, аптечка. Оружие я вам предоставить не могу — все формальности лягут на вас.

— Я как-нибудь справлюсь. У меня есть старый друг — табельный нож, с которым я не расстаюсь.

— Не сомневаюсь. — Берг направился к выходу. В прихожей он обернулся. — И, Ева… Если вы всё-таки передумаете — я пойму. Это не трусость. Это инстинкт самосохранения.

— У меня нет инстинкта самосохранения, — ответила она, криво усмехнувшись. — У меня есть инстинкт следователя. А это две разные вещи.

Берг кивнул, прикрыл за собой дверь, и в коридоре стихли его шаги.

Ева осталась одна. Она постояла посреди комнаты, глядя на папку с документами, на фотографию улыбающейся рыжеволосой девушки, на пепельницу, полную окурков. Запах

дорогого одеколона ещё витал в воздухе, напоминая о визите. Потом сняла с вешалки старую кожаную куртку, проверила карманы — ключи, телефон, бумажник. Вышла на лестничную клетку, даже не заперев дверь.

До вечера она бродила по Москве без цели. Прошлась по Тверской, свернула в Камергерский, посидела на скамейке в Александровском саду, глядя, как туристы фотографируются у кремлёвской стены. Купила в ларьке стаканчик кофе и выпила его, чувствуя, как горячая жидкость обжигает горло. Москва жила своей жизнью — шумной, суетливой, равнодушной. И никто из этих тысяч людей не знал, что где-то в сибирской тайге исчезают женщины. И что через два дня одна бывшая следовательница с проклятым даром отправится туда, чтобы найти убийцу — или стать его следующей жертвой.

Уже затемно Ева вернулась домой. Собрала сумку — свитера, джинсы, берцы, дождевик. Аптечку и флягу с коньяком. Старый табельный нож, который она когда-то забыла сдать, — единственное оружие, которое у неё осталось. Провела пальцем по лезвию — оно было острым. В полиции она всегда следила за снаряжением, и эта привычка осталась.

Перед сном она ещё раз открыла папку. На этот раз пролистала до самого конца — там лежала ещё одна фотография. Групповой снимок. Жители Благодатного на фоне часовни. Ева всмотрелась в лица.

Старухи в платках. Бородатые мужики в косоворотках.

Дети с серьёзными, не по годам взрослыми глазами. Среди них — высокая худая женщина с обрубками пальцев на правой руке; она стояла чуть в стороне, и её взгляд был устремлён куда-то мимо объектива. Ева запомнила её лицо — оно показалось ей одновременно суровым и скорбным. Рядом с ней, в тени, пряталась молодая бледная женщина с заплаканными глазами и потухшим взором — словно фарфоровая кукла, забытая на чердаке. Она прижимала к груди платок, и её поза выражала полную покорность. Ева не знала их имён, но интуиция подсказывала, что эти двое сыграют в её деле не последнюю роль.

И в центре — высокий молодой мужчина с окладистой тёмной бородой и тяжёлым взглядом. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел прямо в объектив — с тем выражением, какое бывает у человека, который точно знает: он здесь главный и его слово — закон.

На его запястье темнела татуировка. Спиральный оберег.

Точно такой же, какой она видела в своём видении.

Ева отложила фотографию на край стола, закрыла глаза и попыталась уснуть. Но ещё долго лежала без сна, слушая, как за окном перекрикиваются запоздалые прохожие и шуршат шины по мокрому асфальту. А когда наконец забытьё накрыло её, перед глазами снова вспыхнула картинка: красная шерстяная нить, затянутая на тонком запястье. И крик, обрывающийся на полуслове. И шёпот на чужом, древнем языке, значение которого ей только предстояло узнать.

На следующее утро она уже знала, что не передумает. Потому что инстинкт следователя не спрашивает разрешения. Он просто ведёт вперёд — в тайгу, в болото, в самое сердце тьмы. Туда, где её уже заждались.

Глава 2. Зубы тайги

Вертолёт трясло.

Ева сидела, пристёгнутая к жёсткому откидному сиденью, и смотрела в иллюминатор, за которым не было ничего, кроме бесконечного зелёного моря. Тайга простиралась до самого горизонта — мохнатая, неровная, прошитая серебристыми нитями рек и чёрными провалами болот. С высоты трёхсот метров она казалась не живой, а нарисованной, как карта в кабинете географа: аккуратные мазки тёмной хвои, проплешины вырубок, редкие цепочки скал, торчащих из земли, будто рёбра доисторического зверя. Чем дальше они удалялись от Красноярска, тем меньше становилось признаков человеческого присутствия — ни дорог, ни вышек, ни дымков от костров. Только первобытная, равнодушная ко всему природа, которая не прощала ошибок.

Пилот — немолодой мужик с обветренным лицом и татуировкой истребительного полка на предплечье — обернулся и что-то крикнул. Из-за шума винтов Ева разобрала только последнее слово: «...трясти». Она кивнула, хотя смысла не поняла. Пилот, которого звали Михалычем, летал в этих краях уже двадцать лет и знал каждую кочку под брюхом машины. Заметив, что Ева не отрываясь смотрит вниз, он на секунду отвлёкся от приборов и добавил, почти прокричав:

— Красиво, ага? Только красота эта обманчивая. Тайга, она как зверь: притворяется спящей, а потом — цап! — и нету человека.

Ева не ответила, только сжала покрепче ремень безопасности. Слова пилота отозвались в ней глухим, неприятным эхом. Слишком хорошо она знала, как быстро человек может исчезнуть — не только в тайге, но и в бетонных джунглях.

В соседнем кресле дремал её попутчик — угрюмый бородатый геодезист по фамилии Лосев, которого наняли для какой-то картографической работы в тайге. Он летел до метеостанции «Ольховка» — последнего оплота цивилизации перед Благодатным. Всю дорогу от Красноярска он не проронил и десяти слов, а когда Ева попыталась заговорить с ним о посёлке, лишь хмуро покачал головой.

— Нечего там делать, — буркнул он тогда. — Гиблое место. Люди там... странные. А земля ещё страннее. — И отвернулся к своему иллюминатору, всем видом показывая, что разговор окончен.

Ева не настаивала. После двух дней, потраченных на подготовку к экспедиции, она научилась ценить молчание. В Москве было слишком много шума, слишком много людей, слишком много вопросов, на которые у неё не было ответов. Здесь, на высоте трёхсот метров над сибирской тайгой, вопросы становились проще. «Кто убийца? Где Алиса? Как отсюда выбираться?» Всё остальное отсекалось само собой, как лишняя шелуха.

Винты взвыли громче — вертолёт начал снижаться. Ева вгляделась в ландшафт внизу и заметила крошечную поляну с покосившейся вышкой и несколькими деревянными по-

стройками. Метеостанция «Ольховка» выглядела так, будто её построили в позапрошлом веке и с тех пор ни разу не ремонтировали. Ржавая антенна на крыше, покосившийся забор, бочка с соляркой под навесом. И ни души вокруг — только вороньё, сорвавшееся с веток при приближении машины.

— Всё, девушка, дальше сама, — прокричал пилот, когда вертолёт коснулся земли и Лосев, подобрав свой рюкзак, выбрался наружу, пригибаясь под всё ещё вращающимися лопастями. — До Благодатного минут сорок. Посадка будет жёсткой. Там площадка — одно название, кочки да грязь.

— А мягкой не обещали, — отозвалась Ева.

Пилот усмехнулся.

— Мне такие нравятся. Не ноют хотя бы.

Он дёрнул рычаг, и вертолёт снова оторвался от земли. В иллюминаторе метеостанция сжалась до размеров спичечного коробка, потом исчезла совсем, и Ева опять осталась наедине с бескрайним морем зелени.

Теперь тайга подступала ближе. Вертолёт шёл ниже, повторяя изгибы рельефа, и в просветах между деревьями Ева уже могла разглядеть отдельные детали. Огромные валуны, обросшие мхом. Буреломы, похожие на завалы из костей какого-то гигантского животного. Тёмные зеркала воды в обрамлении осоки. Ни троп, ни дорог, ни дымов от костров — только дикая глушь, от вида которой веяло древним, первобытным ужасом. Ева вспомнила слова Берга о «Лесной ведь-

ме» и невольно поёжилась — даже с её даром, даже с её опытом, трудно было поверить, что в такой глуши могут жить люди.

А потом тайга расступилась, и Ева увидела частокол.

Он возник неожиданно, будто вырос из-под земли за те несколько секунд, что она смотрела в другую сторону. Бревенчатая стена высотой метра в три, увенчанная заострёнными кольями, окружала клочок суши, отвоёванный у леса. Колья напоминали зубы — длинные, неровные, почерневшие от времени и непогоды. Словно сама тайга оскалилась, защищая свою добычу. За частоколом угадывались тёмные крыши домов, но ни одного огонька, ни одного дыма из трубы. Словно посёлок был не жилым, а декорацией к фильму ужасов. Ева невольно отметила, что стена выглядела слишком высокой и прочной для простого деревенского частокола — такую строили не столько от диких зверей, сколько для того, чтобы отгородиться от всего внешнего мира.

— Благодатное, — объявил пилот, и его голос прозвучал как-то буднично, словно он называл очередную точку на маршруте. — Смотри, вон там, где площадка, и сядем. Видишь её?

Ева кивнула. Посадочная площадка представляла собой утоптанный кусок земли на отшибе, метрах в двухстах от частокола. Вокруг росла высокая трава, которую никто не косил. Чуть поодаль темнели заросли бузины.

Вертолёт качнулся, заложил вираж и начал снижаться.

Земля неслась навстречу всё быстрее, и Ева инстинктивно вцепилась в поручень кресла. Последние метры прошли в грохоте и вихре — лопасти подняли тучу пыли и мелких веток, и на мгновение всё вокруг исчезло в мутной серой пелене. Потом толчок, вибрация стихла, и пилот отстегнул ремни.

— Приехали.

Ева выбралась из кабины, пригибаясь под всё ещё вращающимися лопастями, и ступила на землю Благодатного.

Воздух здесь был другим — густым, влажным, пропитанным запахами прелой листвы, болотной тины и ещё чего-то неуловимого, похожего на дым от сырых дров. Он обволакивал, забирался под одежду, оседал на коже холодной испариной. И вместе с ним, вместе с этим воздухом, в Еву вошло чувство — то самое, что всегда предвещало работу её дара.

Она остановилась, прикрыла глаза и прислушалась к себе.

Дар не работал в полную силу без прикосновения к объекту, но иногда — редко, в особых местах — он давал о себе знать сам. Как сейчас. Где-то в глубине сознания зазвучала тихая нота — низкая, вибрирующая, как басовая струна, которую тронули небрежным пальцем. Фоновый шум, пропитывающий это место до самого основания. К нему примешивался едва уловимый, но отчётливый отзвук боли — не сиюминутной, а застарелой, впитавшейся в землю, как кровь в деревянный пол.

Ева знала этот звук. Она слышала его на местах массо-

вых захоронений. В подвалах, где маньяки держали жертв. В комнатах, где люди умирали медленной, мучительной смертью. Это был шум насилия — не единичного, а многократного, впитавшегося в землю и дерево, ставшего частью ландшафта. Благодатное было пропитано им насквозь.

— Эй, ты чего застыла? — окликнул её пилот. Он выгружал из багажного отсека её рюкзак и какой-то опечатанный ящик. — Мне обратно лететь надо. Помоги, что ли.

Ева тряхнула головой, отгоняя наваждение, и подошла к нему. Вдвоём они оттащили ящик на край площадки, туда, где трава была не такой высокой.

— Это для местных, — пояснил пилот. — Консервы, крупы, медикаменты. Раз в месяц привозим. Они сами заберут, когда мы улетим.

— Сами? А почему не сейчас?

Пилот вытер пот со лба и покосился на частокол.

— Потому что они нас не жалуют. Ты, главное, запомни: к ним на рожон не лезь. Говори тихо, смотри в землю, мужикам в глаза не заглядывай. У них тут свои порядки. Молитвы перед едой, поклоны в пояс, бабы в платках. Чужаков не любят, особенно городских. Особенно таких, как ты.

— Каких — таких?

— Учёных, — пилот хмыкнул. — Они думают, все городские — учёные. Или журналисты. И тех, и других на дух не переносят. А ты и речью, и повадками — вылитая следовательница. Небось, с вопросами полезешь?

— Полезу, — признала Ева.

— Ну-ну. Тогда береги себя. — Он захлопнул багажный отсек и обернулся. — Дальше сама. Меня ждать не будут — метеосводки плохие, к вечеру обещают грозу. Если что — помнишь, как рацию включать?

Ева похлопала по карману куртки, где лежал спутниковый телефон Берга.

— Помню.

— Ну, бывай. И... удачи, что ли.

Пилот залез в кабину, и вертолёт снова взревел. Лопасти закрутились быстрее, поднимая новую тучу пыли, и машина тяжело оторвалась от земли. Ева стояла и смотрела, как он уменьшается, превращается в точку, сливается с серым небом, набухающим грозовыми тучами.

Шум винтов стих, и наступила тишина.

Абсолютная, звенящая, как натянутая струна. Не пели птицы. Не стрекотали кузнечики. Даже ветер, казалось, замер где-то в кронах деревьев, не решаясь спуститься вниз. Только где-то далеко-далеко глухо ухал филин — одинокий ночной охотник, проснувшийся раньше времени. И Ева знала, что в этой тишине ей предстоит провести ближайший месяц — если, конечно, она доживёт до следующего вертолёта.

Она взвалила рюкзак на плечи и двинулась к воротам.

Дорога — если эту узкую тропу, заросшую подорожником, можно было назвать дорогой — вела прямо к частоколу. Метров за пятьдесят до ворот Ева заметила движение.

Тёмные фигуры, стоявшие у входа, рассыпались в стороны, будто кто-то скомандовал «разойдись» — не голосом, а жестом. В этом жесте не было суеты — только отработанная годами привычка.

Когда она подошла ближе, фигуры обрели плоть.

Трое мужчин. Высоких, бородатых, в длинных холщовых рубахах, подпоясанных плетёными ремнями. Двое — постарше, с проседью в волосах и суровыми, будто вырубленными из дерева лицами. Третий — моложе, но тоже бородатый, с широкими плечами и тяжёлым, исподлобным взглядом. От них пахло дымом, потом и чем-то ещё — сладковатым, похожим на ладан, как в её видении. Этот запах заставил Еву на секунду замереть.

Они стояли у ворот и смотрели на неё. Молча. Не двигаясь. Как часовые на посту.

Ева остановилась в нескольких шагах. Окинула их взглядом — быстро, профессионально, фиксируя детали. У старшего, который стоял в центре, на поясе висел охотничий нож в потемневших от времени ножнах. У того, что помоложе, на тыльной стороне ладони виднелся шрам — длинный, рваный, как от укуса. Третий просто скрестил руки на груди и смотрел на неё с выражением, которое она не могла расшифровать, — не враждебность, не любопытство, а что-то среднее. Словно они уже видели таких, как она, и знали, чем всё кончается.

— Здравствуйте, — сказала Ева спокойно. — Меня зовут

Ева Строгова. Я ищу девушку, которая пропала здесь три месяца назад.

Тишина. Мужчины переглянулись, но никто не произнёс ни слова. Только ветер шелестел травой у их ног.

— Алиса Ветрова, — продолжила Ева. — Студентка из Петербурга. Рыжеволосая. Была здесь в мае. Есть кто-нибудь, с кем я могу поговорить о ней?

Старший сплюнул в траву и что-то буркнул — не Еве, а своим спутникам. Те закивали. Потом он повернулся к ней и произнёс низким, скрипучим голосом:

— Не будет тебе здесь разговору, чужая. Ступай откудова пришла.

— Я не уйду, пока не поговорю с кем-нибудь из местных властей. У вас есть староста? Глава общины?

— Есть.

— Я хочу его видеть.

Мужчина усмехнулся — медленной, недоброй усмешкой, от которой его лицо пошло трещинами, как старая кора.

— А он тебя — нет. Сказано тебе русским языком: проваливай.

— Вертолёт улетел. Следующий будет через месяц. Мне некуда уходить.

— Это твоя забота. — Он не двинулся с места.

Ева сжала лямку рюкзака так, что побелели костяшки. Инстинкт подсказывал ей не обострять. Но другой инстинкт, следовательский, требовал продавить линию до конца. Она

видела такие лица десятки раз — лица людей, которые привыкли подчиняться страху, а не закону.

— Я могу переночевать здесь? — спросила она, сменив тактику. — Только одну ночь. Завтра утром уйду в лес, поищу место для лагеря.

Мужчины снова переглянулись. На этот раз старший не сплюнул, а задумчиво почесал бороду, глядя на неё с каким-то новым, оценивающим выражением. Потом перевёл взгляд на частокол, словно ожидая оттуда немого совета.

— Ночуй у ворот, — сказал он наконец. — За частокол не суйся. Будешь соваться — пеняй на себя. Лес тебя не защитит.

И они ушли. Просто повернулись и скрылись за воротами, которые захлопнулись с глухим стуком — не то сами, не то кто-то закрыл их изнутри на тяжёлый засов.

Ева осталась одна.

Она постояла ещё минуту, глядя на запертые ворота, на острые колья частокола, на тёмные крыши домов, которые отсюда были видны только верхушками. Внутри у неё поселилось холодное, колючее чувство — не страх, нет. Предчувствие. Ожидание беды, которая ещё не случилась, но уже где-то рядом, уже на подходе. Точно такое же она испытывала тогда, в Чертанове, за минуту до того, как всё пошло не так.

В Москве она могла бы проигнорировать это чувство. Сослаться на усталость, на стресс, на похмелье. Но здесь, в глухой тайге, отрезанная от цивилизации тысячами километ-

ров, она была вынуждена доверять своей интуиции. Потому что больше доверять было некому.

Она скинула рюкзак на землю и села прямо в траву, прислонившись спиной к шершавому бревну частокола. Достала флягу с водой, сделала глоток. Потом закурила, прикрывая сигарету ладонью от поднимающегося ветра. Дым смешался с сырым воздухом, и ей на мгновение почудилось, что в нём есть привкус ладана — того самого, из видения.

Нужно было подумать.

Семь пропавших женщин. Семь мёртвых девушек, чьи тела, скорее всего, покоятся где-то в этих лесах. И она, Ева Строгова, тридцати одного года, вынужденная уйти из полиции после истории с необоснованным применением силы, сидит тут в траве, как бездомная собака, и ждёт, пока кто-нибудь из местных соизволит с ней поговорить. План был так себе, но другого она пока не придумала.

Ждать пришлось недолго.

Через полчаса, когда солнце начало клониться к закату и длинные тени потянулись от деревьев, как чёрные пальцы, ворота снова приоткрылись. На этот раз вышла женщина. Старая, сгорбленная, в тёмном платке, надвинутом на самые брови, и длинном сером платье, подпоясанном простой верёвкой. В руках она держала глиняную миску, от которой поднимался пар. Ева заметила, что на правой руке у неё не хватало двух пальцев — указательного и среднего, культи были старые, зажившие. Эта деталь больно кольнула память,

но осознание пришло позже.

— Поешь, — сказала старуха глухо и поставила миску на землю в паре метров от Евы, будто боялась подойти ближе.

— Спасибо.

Ева подалась вперёд, чтобы взять миску, но женщина отшатнулась, вскинув руку в жесте, который Ева узнала сразу. Она так часто видела его на старых фотографиях, в этнографических альбомах, что могла бы нарисовать по памяти. Сложенные щепотью пальцы. Быстрое движение от левого плеча к правому. И короткий выдох — то ли молитва, то ли проклятие.

— Зачем крестишься? — спросила Ева спокойно. — Я не нечистая сила. Я просто человек.

Старуха не ответила. Она попятилась к воротам, не сводя с Евы выцветших, слезящихся глаз, и, только когда створки захлопнулись за её спиной, Ева услышала обрывок фразы, брошенный кому-то внутри:

— ...волосы как у той...

Больше ничего.

Ева взяла миску. Гречневая каша с тушёнкой — простая, сытная еда, какой кормят работников в поле. Никакого яда, никакого подвоха — только холодная вежливость и суеверный страх. Она медленно ела, облизывая алюминиевую ложку, и думала о том, что эти люди привыкли встречать чужаков. И чужаки потом исчезали.

Ева доела кашу и поставила пустую миску на то же место.

Потом поднялась, отряхнула джинсы от налипших травинок и снова посмотрела на частокол.

Сквозь щели между брёвнами пробивался тусклый свет — там жгли костры или свечи. Оттуда доносились приглушённые голоса, иногда — женский смех, резкий и неестественный, быстро обрывающийся, словно кто-то зажимал рот смеющейся ладонью. И ещё — стук. Ритмичный, монотонный, доносящийся откуда-то из глубины посёлка. Не топор, не молот по наковальне — что-то другое, более лёгкое, но такое же металлическое, как будто кто-то мерно бил молотком по гвоздю.

Ева отошла от ворот и пошла вдоль частокола, надеясь найти лазейку или хотя бы место, откуда можно увидеть, что происходит внутри. Трава здесь была выше, мокрая от вечерней росы, и кроссовки скоро промокли насквозь. Но она не обращала внимания — она двигалась бесшумно, по старой привычке, отработанной годами слежки и засад.

Частокол кончался у болота. Вернее, не кончался, а уходил прямо в трясину — брёвна чернели, подгнившие от воды, но всё ещё крепкие. Дальше начинался ольшаник, за которым угадывалась какая-то постройка — не то сарай, не то баня. И именно оттуда доносился стук.

Ева замерла, присев за кустом багульника, и всмотрелась в просвет между деревьями.

То, что она увидела, заставило её замереть.

На небольшой поляне стояло несколько женщин — все

в тёмных платках, все с опущенными головами. Перед ними возвышался покосившийся дом с заколоченными окнами. Одна из женщин, самая высокая, стояла у дверного косяка и с размаху била по нему молотком. Не по доске — по самому косяку, куда были вбиты несколько ржавых, покорёженных гвоздей. После каждого удара она передавала молоток следующей, и та повторяла ритуал. Вжик — замах. Удар — глухой, надсадный. Женщина отступает, крестится, молоток переходит к следующей.

— ...запечатаем... — донёсся до Евы обрывок голоса. — ...не выйдет больше...

Она наблюдала за ними минут десять. За десять минут молоток обошёл круг дважды. На третий раз к высокой женщине подошла ещё одна, пониже, и что-то зашептала ей на ухо, указывая в сторону частокола. Та кивнула, передала молоток соседке и быстрым шагом направилась к воротам. Ева поняла: её заметили.

Она отступила в тень, вернулась к своему рюкзаку у ворот и села, делая вид, что просто смотрит в небо. Через минуту ворота приоткрылись, и на пороге показалась та самая высокая женщина. Теперь Ева могла разглядеть её лицо — молодое, но измождённое, с тёмными кругами под глазами и бескровными, искусанными в нитку губами. Она была одета в серое платье и повязана платком, но что-то в её осанке говорило о скрытой, задавленной силе.

— Ты чего тут ходишь? — спросила она. Голос был хрип-

лый, простуженный. — Высматриваешь?

— Ищу место, где переночевать. Ваш сторож сказал — у ворот. Но здесь болото и сырость. Может, у вас есть какой-нибудь сарай?

— Нету сарая.

— А что там за обряд? — Ева кивнула в сторону поляны. — Я видела, вы гвозди в косяк забиваете.

Женщина побледнела. Не метафорически — кожа на её лице реально стала белой, как бумага, на которой проступают буквы.

— Не твоего ума дело, — отрезала она. — Сиди тут и не ходи никуды. Поняла? Не то хуже будет.

— Поняла, — ответила Ева, хотя ничего не поняла.

Ворота снова захлопнулись. На этот раз Ева услышала, как лязгнул засов — тяжёлый, металлический, будто запирали не ворота, а тюремную камеру. Она осталась сидеть на своём месте, но мысли её были далеко.

Запечатать. Забить гвозди в косяк — древний обряд, который использовали для защиты от нечисти. Символическая закупорка пространства, через которое в дом может проникнуть злой дух. Ева читала об этом в материалах Берга. Старообрядцы до сих пор практиковали подобные ритуалы, особенно в глухих деревнях, куда не добралась цивилизация. Но зачем запечатывать дом, который и так заколочен? От кого они защищаются? И почему молоток передавали по кругу, как будто каждая женщина должна была внести свой вклад

в этот обряд? Это было не просто суеверие — это была коллективная защита, замешанная на ужасе.

Она вспомнила лицо старухи, которая принесла ей кашу. «Волосы как у той». У кого — «той»? У пропавшей Алисы? Или у кого-то ещё, кто был здесь раньше? Может, у всех семерых были светлые или рыжие волосы? В папке Берга упоминалось, что жертвы были светловолосыми, но до конца Ева ещё не осознавала, насколько это важно.

Сумерки сгущались. Где-то в лесу снова заухал филин, и ему ответил второй, с другой стороны болота. Ветер усилился, и в воздухе запахло дождём — тяжёлым, затяжным, какие бывают только в августе. Ева натянула капюшон куртки, проверила, что нож на месте, и прислонилась спиной к частоколу. Спать не хотелось — слишком много адреналина бурлило в крови. Но тело требовало отдыха, и она закрыла глаза, позволяя себе провалиться в поверхностную дрёму, из которой её мог выдернуть любой шорох.

Ей снился мальчик из Чертанова. Его грязные кроссовки в решётке водостока. Его затылок, пробитый чем-то тяжёлым. И голос — не его, а чей-то другой, женский, который шептал издалека: «Ты опоздала. Ты всегда опаздываешь». На этот раз к шёпоту примешивался уже знакомый ритмичный стук молотка по гвоздям.

Она проснулась от звука шагов.

Не тех осторожных, крадущихся шагов, какими ходят разведчики или воры. А тяжёлых, уверенных — шагов челове-

ка, который имеет полное право здесь находиться.

Ева открыла глаза. Над ней стоял мужчина.

Высокий, широкоплечий, в чёрной косоворотке с вышитым красным орнаментом по вороту. Окладистая тёмная борода, тяжёлые надбровные дуги, карие глаза, в которых плясали отблески далёких молний. В руке он держал фонарь — старый, керосиновый, с закопчённым стеклом. Он поднял его на уровень груди, и колеблющийся свет выхватил из темноты его второе запястье, где Ева чётко разглядела татуировку — выцветшую спираль, похожую на древний оберег. Точно такую же, как в её видении. Сердце ёкнуло и замерло.

Тот самый мужчина с фотографии. Староста Павел.

Он смотрел на неё сверху вниз, и в этом взгляде было всё сразу: любопытство, раздражение, что-то ещё — глубокое, тёмное, неразборчивое. Словно он видел её насквозь и не мог решить, опасна она или нет.

— Встала, — сказал он. Не спросил — приказал.

Ева поднялась, отряхивая джинсы. Она оказалась ему по плечо — никогда не считала себя низкой, но этот мужчина был сложен, как медведь, и возвышался над ней, будто скала. От него пахло дымом, хвоей и ещё чем-то пряным — может быть, травами, которые сушились у него в доме.

— Вы староста? — спросила она.

— Допустим.

— Я — Ева Строгова. Частный детектив. Меня наняли родители Алисы Ветровой. Мне нужно поговорить с вами о

её исчезновении.

Павел молчал. Фонарь в его руке покачивался, отбрасывая на землю пляшущие тени. Он явно обдумывал каждое слово, прежде чем произнести его.

— Алиса Ветрова, — повторил он наконец. Голос был низкий, грудной, с лёгкой хрипотцой. — Студентка. Рыжая. Я помню её.

— Когда вы видели её в последний раз?

— В мае. Она ходила по домам, пела песни старухам, записывала в тетрадку. Я сказал ей, чтобы через неделю убиралась. Она не послушалась.

— Почему вы хотели, чтобы она убралась?

— Потому что чужим здесь не место. — Он произнёс это просто, без злобы, но в голосе проскользнула та самая интонация обречённости, которую Ева уже слышала у местных. — Тайга не любит гостей.

— И что с ней случилось потом?

— Ушла в лес. За периметр. Мы предупреждали, что туда нельзя. Она не послушалась. — Павел пожал плечами. — Болото у нас гиблое. Оступилась — и всё.

— Вы нашли тело?

— Нет. Искали. Не нашли.

— И полицию не вызвали?

— А толку? — Он впервые позволил себе ухмылку — быструю, кривую, как старый шрам. — Полиция сюда не ездит. У нас свой закон.

Ева шагнула к нему. Теперь они стояли совсем близко — она чувствовала запах, исходящий от него: хвоя, дым, сухая земля. И что-то ещё — что-то пряное, тёплое, от чего у неё вдруг перехватило дыхание. Но она подавила это чувство, сосредоточившись на деле.

— Я не верю, что она утонула в болоте, — сказала она тихо. — И вы тоже в это не верите. Я знаю, что здесь происходит. Я знаю про семь пропавших женщин. И я не уйду отсюда, пока не докопаюсь до правды.

Павел смотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Фонарь в его руке дрогнул — или ей показалось? На мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на смятение, но он быстро справился с собой.

— Упрямая, — сказал он наконец. — Все городские — упрямые. Ладно. Завтра поговорим.

Он повернулся и пошёл к воротам. Ева смотрела ему вслед, отмечая, как он двигается — тяжело, но плавно, как хищник, который никуда не спешит.

Прежде чем скрыться за частоколом, он обернулся.

— Ночевать будешь в доме у Анны, — бросил он через плечо. — Моя жена присмотрит за тобой. Скажешь ей — Павел велел. И запомни: за периметр не ходи. Если уйдёшь в лес — назад не вернёшься. Здесь не только болото опасно.

Ворота захлопнулись.

Ева осталась стоять в темноте, глядя на то место, где только что был он. В голове крутилась одна мысль: на его за-

пястье, на правой руке, той самой, которой он держал фонарь, темнела татуировка — выцветшая спираль, похожая на древний оберег. Точно такая же, как в её видении. И точно такая же, какую она позже увидит на страницах «Красной книги» и на столбах капища.

Дождь начался внезапно — тяжёлые, холодные капли забарабанили по листьям, по частоколу, по капюшону её куртки. Ева подняла лицо к небу, позволяя воде стекать по щекам, и глубоко вздохнула. Она была на месте. Игра началась.

Где-то в лесу снова заухал филин, и его крик был похож на смех — хриплый, торжествующий, будто сама тайга приветствовала новую гостью. Гостью, которая ещё не знала, что из этого места не возвращаются.

Глава 3. Староста

Дождь колотил по крыше с монотонностью метронома.

Ева лежала на жёстком топчане, застеленном колючим шерстяным одеялом, и смотрела в потолок — низкий, бревенчатый, закопчённый до черноты. Где-то в углу, за печкой, скреблась мышь. В щели между ставнями сочился серый утренний свет, разбавленный туманом, который наползал с болота густыми, почти осязаемыми волнами. Пахло сушёными травами, печным дымом и ещё чем-то — сладковатым, приторным, как ладан. Тот самый запах, что преследовал её в московском видении, только здесь он был не фоном, а частью самого воздуха, частью дома, частью жизни Анны.

Дом Анны встретил её молчанием. Когда Ева вчера вечером, вымокшая до нитки, постучалась в указанную Павлом дверь, ей открыла бледная, бесцветная женщина в сером платке и глухом платье, не произнесшая ни слова. Просто посторонилась, пропуская гостью внутрь, и указала рукой на топчан в углу. Ни «здравствуйте», ни «проходите», ни хотя бы «разувайтесь». Только взгляд — пустой, как у фарфоровой куклы, которую слишком долго продержали на витрине. Этот взгляд Ева запомнила сразу: он был не просто безучастным, он был вымороженным до самого дна, словно за ним не осталось ни страха, ни надежды, ни чего-либо ещё, что делает человека живым.

Ева разулась сама. Повесила мокрую куртку на гвоздь у двери, рядом с чьим-то застиранным фартуком. Огляделась.

Комната была маленькой, но чистой — выскобленный добела пол, печь с изразцами, стол, покрытый льняной скатертью с вышитыми по краю петухами. Над столом — полка с иконами: Богородица с младенцем, Николай Угодник, ещё кто-то, кого Ева не узнала. Перед иконами горела лампадка, и её красноватый огонёк был единственным источником света во всём доме. У стены стоял дубовый сундук, окованный медными полосами, — Ева машинально отметила, что замок на нём висит не простой, а с затейливой гравировкой, напоминавшей уже знакомые спирали.

— Спасибо, — сказала Ева, обращаясь к женщине. — Вы — Анна?

Та кивнула. Глаза у неё были большие, голубые, но какие-то пустые. Ни любопытства, ни враждебности — только вымороженная, застарелая усталость, которая пропитала каждую черту её лица и, казалось, въелась в саму кожу.

— Меня зовут Ева. Я здесь, чтобы найти одну девушку. Вы, наверное, слышали о ней — Алиса Ветрова, студентка...

Анна резко вскинула руку, прерывая её. Прижала палец к губам, потом указала на стену. Ева не сразу поняла, а когда поняла — нахмурилась. Стена была глухой, без окон и дверей. Но за ней, в соседней комнате, кто-то был. Кто-то, кто сейчас стоял, прижавшись ухом к доскам, и слушал их разговор.

Ева замолчала. Анна опустила руку и, всё так же беззвучно, поставила на стол миску с холодной кашей и кружку мо-

лока. Потом подошла к лампадке, поправила фитиль и, не оборачиваясь, прошептала — так тихо, что Ева едва разобрала слова:

— Не говори здесь лишнего. Стены слушают.

И ушла за занавеску, отделявшую её спальное место, оставив Еву наедине с тенями и дождём.

Теперь, лёжа на топчане и глядя в закопчённый потолок, Ева прокручивала в голове этот короткий разговор. «Стены слушают». Значит, Анна боится мужа. Или кого-то ещё, кто живёт за этой стеной. Или, возможно, самого дома — старого, пропитанного чужими секретами, как губка пропитана водой. Она вспомнила слова Берга о том, что Благодатное живёт по законам XVII века, и подумала: если женщина не может говорить в собственном доме, значит, законы эти куда суровее, чем можно было предположить.

Ева села, спустив ноги на холодный пол. Мышцы ныли после вчерашнего марш-броска вдоль частокола. Голова была тяжёлой — сказались недосып и нервное напряжение. Она уже плохо помнила, когда в последний раз спала по-настоящему, без сновидений, в которых чужие смерти мешались с её собственной болью. Но следовательская привычка оказалась сильнее усталости: Ева натянула джинсы, свитер, проверила нож в кармане и выглянула в окно.

Дождь кончился. Туман ещё висел над землёй, но уже редел, расползаясь клочьями, и сквозь него проступали очертания посёлка. Дома — приземистые, бревенчатые, с высо-

кими крыльцами и резными наличниками. Улица — широкая, мощённая брёвнами, почерневшими от времени и сырости. Часовня на другом конце — бревенчатая, без крестов, с покосившимся куполом, похожим на шляпку гриба. И церковный двор, где уже собирались люди.

На церковном дворе собрался почти весь посёлок — Ева насчитала не меньше шестидесяти человек. Мужчины в косоворотках и сапогах. Женщины в платках и длинных юбках. Дети — босоногие, несмотря на холод, с серьёзными, недетскими лицами. Все стояли полукругом у крыльца часовни и чего-то ждали. Ева отметила, что никто не смеялся, никто не разговаривал громко — только тихое, напряжённое перешёптывание, как перед грозой.

Она накинула куртку и вышла на крыльцо.

Холодный воздух ударил в лицо, пахнущий сырой древесиной и дымом. Где-то закричал петух — хрипло, надсадно, будто и он здесь боялся подавать голос. Откуда-то слева донеслось ритмичное постукивание — то самое, что она слышала вчера. Не гвозди в косяк, но что-то похожее: металл о дерево, размеренное, как пульс. Этот звук отдавался у неё в висках, сливаясь с тем низким, вибрирующим шумом, который её дар уловил ещё на посадочной площадке. Шум насилия, впитавшийся в землю.

Она направилась к церковному двору, стараясь ступать бесшумно, но её всё равно заметили. Десятки глаз обратились к ней, и в этих глазах она прочла всё, что ожидала про-

честь: подозрение, враждебность, любопытство, смешанное с гадливостью. Как будто она была не человеком, а опасным зверем, который случайно забрёл в деревню и которого пока не решили пристрелить только потому, что староста не дал команду.

— Доброе утро, — сказала Ева, останавливаясь в нескольких шагах от толпы.

Ей не ответили. Женщины переглянулись и зашептались, прикрывая рты ладонями. Мужчины нахмурились. Кто-то сплюнул на землю — звучно, демонстративно.

— Где я могу найти старосту? — спросила она, на этот раз громче.

Толпа расступилась, и вперёд вышел Павел.

Днём он выглядел иначе, чем вчера в темноте под дождём. Выше. Шире в плечах. Опаснее. На нём была всё та же чёрная косоворотка с красной вышивкой, но теперь Ева заметила детали, которые ускользнули от неё ночью. Узор на вороте представлял собой не просто орнамент — это была вязь из рун, стилизованная под народную вышивку. Спирали, пересечённые косыми крестами. Знаки, которые она видела в материалах Берга. Знаки, которыми пользовались первые поселенцы для защиты от «нечистой силы». Теперь, глядя на них, Ева чувствовала не просто любопытство, а холодок, пробегающий по спине: эти символы явно имели силу не только декоративную.

На поясе у Павла висел широкий охотничий нож в кожа-

ных ножнах. Рукоять ножа была обмотана вытертой, потемневшей от времени бечёвкой, на которой болтались бусины — не то оберег, не то трофей. Ева мысленно сфотографировала эти бусины: позже, в подземном ходе, она найдёт среди трофеев убийцы нечто похожее.

Он остановился перед ней, скрестив руки на груди, и окинул её взглядом, от которого хотелось поёжиться. Не из-за грубости или агрессии. Напротив, староста держался спокойно, как человек, который знает цену своей власти и не нуждается в её демонстрации.

— Ты рано встала, — сказал он.

— Привычка. На службе подъём был в шесть утра.

— Здесь не служба. Здесь Благодатное.

— Я заметила.

Павел чуть склонил голову набок, разглядывая её, как разглядывают диковинного зверя, случайно попавшего в капкан. В его карих глазах отражалось серое небо и толпа, стоящая за спиной. В этом взгляде было что-то ещё, помимо холодной оценки, — тень узнавания, как будто он уже встречал таких, как она, и знал, чем это кончается.

— Завтракала? — спросил он неожиданно.

— Ещё нет.

— Иди за мной. Покормлю.

Он развернулся и пошёл, не дожидаясь ответа. Толпа расступилась перед ним, как вода перед носом лодки. Ева секунду помедлила, потом двинулась следом, чувствуя на спине

десятки взглядов. Кто-то из женщин прошептал ей в спину что-то — она не разобрала слов, только интонацию: недобрую, предостерегающую, почти заклинание. Ей показалось, что она различила слово «рыжая», хотя её собственные волосы были каштановыми. Может, они говорили не о ней, а об Алисе?

Дом старосты стоял на другом конце улицы — самый большой в посёлке, двухэтажный пятистенок с коваными ставнями и высоким крыльцом под навесом. Резьба на наличниках здесь была искуснее, чем на других домах: птицы с женскими головами, деревья с корнями, уходящими в пасти змей, и снова спирали, спирали, спирали — везде, куда ни глянь. Ева невольно подумала: этот дом был не просто жилищем, это был храм, посвящённый какой-то древней, тёмной вере, которую Гореловы пронесли сквозь века.

Павел поднялся на крыльцо, толкнул дверь и посторонился, пропуская Еву внутрь.

В доме пахло деревом, воском и травами. Первая комната — просторная горница с русской печью, занимавшей почти целую стену. На печи, свернувшись калачиком, спал огромный серый кот, который даже не пошевелился при их появлении. У окна стоял дубовый стол, накрытый белой скатертью. На столе — чугунок с картошкой, тарелка с солёными огурцами, нарезанный крупными ломтями ржаной хлеб и глиняный горшок со сметаной. Ева заметила на стене старую, потемневшую от времени фотографию в деревянной рамке: су-

ровый бородатый мужчина и женщина с заплаканными глазами. Родители Павла, догадалась она. От женщины исходило то же ощущение подавленной тоски, что и от Анны.

— Садись, — сказал Павел.

Ева села на лавку, положив руки на стол. Павел остался стоять — прислонился плечом к печи и скрестил руки на груди, наблюдая за ней.

— Ты не будешь есть? — спросила она.

— Я уже.

— Тогда зачем позвал?

— Хотел посмотреть на тебя при свете дня. Вчера было темно.

Она взяла ложку, зачерпнула картошку, прожевала. Картошка была рассыпчатой, с укропом и чесноком — простая, сытная еда, какой здесь, видимо, питались каждый день. Ева вдруг осознала, что за последние двое суток ела только кашу, и с жадностью набросилась на завтрак. Павел смотрел на неё всё так же молча, и в его взгляде она не могла прочесть ничего определённого. Однако ей показалось, что он изучает её не как врага, а как нечто гораздо более сложное — возможно, как зеркало, в котором он видел собственные грехи.

— Вкусно, — сказала она с набитым ртом. — Анна готовила?

— Нет. Матушка моя, Марфа Петровна.

— У вас здесь все такие мастера кулинарии?

— У нас здесь все делают то, что им велено.

Ева отложила ложку и подняла на него глаза.

— И что же вам велено, Павел... — она запнулась, потому что не знала его отчества.

— Горелов. Павел Андреевич Горелов. Староста общины Благодатное в четвёртом поколении. Можешь называть меня Павел, я разрешаю.

— Очень любезно с вашей стороны. — Ева усмехнулась. — Так что вам велено, Павел Андреевич? Запугивать чужаков? Забивать гвозди в косяки? Делать вид, что пропавшие девушки просто ушли в лес и не вернулись?

Его лицо не дрогнуло. Он отлепился от печи, подошёл к столу и сел напротив неё — верхом на лавку, опершись локтями о колени. Теперь они были почти на одном уровне, и Ева могла разглядеть его в мельчайших деталях. Сетка морщин вокруг глаз — не от возраста, от солнца. Шрам над левой бровью — старый, побледневший. Татуировка на запястье — выцветшая спираль, такая же, как в её видении. Такая же, как на страницах «Красной книги», которую она позже увидит в подвале.

— Ты задаёшь много вопросов, — сказал он. — Здесь это не принято.

— А что здесь принято?

— Молчание. Послушание. Вера.

— Вера во что? В Бога? В лесную ведьму? В то, что ваш долг — воскресить сожжённую триста лет назад женщину, чтобы она простила ваш род?

На этот раз он дрогнул. Совсем чуть-чуть — на долю секунды в его взгляде промелькнуло что-то, похожее на изумление, смешанное с тревогой. Но он быстро взял себя в руки. Ева заметила, как пальцы его правой руки сжались в кулак, а потом медленно разжались.

— Ты много знаешь для чужачки, которая приехала только вчера.

— Я хорошо готовлюсь к работе. Читаю документы. Изучаю историю. — Она сделала паузу. — Мне известно, что в 1703 году здесь сожгли женщину по имени Марфа. И что ваш род считает себя проклятым из-за этого.

— История — это ложь, записанная победителями. — Павел усмехнулся краешком губ. — Победителями или трусами, которым повезло выжить. Здесь, в Благодатном, история своя. И тебе, чужая, в неё соваться незачем.

— Однако вы меня не выгнали. Почему?

Павел помолчал. Потом встал, подошёл к окну и отодвинул занавеску. С улицы донёсся гул голосов — толпа у часовни всё ещё стояла и ждала, сама не зная чего. В этом ожидании, подумала Ева, было что-то ритуальное — словно они собрались не просто так, а по чьему-то молчаливому приказу.

— Потому что ты — другая, — сказал он, не оборачиваясь. — Я таких, как ты, чуять умею. Ты не просто ищешь пропавшую девушку. Ты ищешь что-то ещё. Что-то для себя. Что-то, что не даёт тебе спать по ночам.

Он обернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Взгляд у него был тяжёлым, пронизывающим, как рентгеновский луч.

— Что ты видела, когда взяла в руки её фотографию? — спросил он. — Что показал тебе твой дар?

Ева замерла. Внутри у неё похолодело. Он знал. Знал о её способностях — или догадывался. Но откуда? Берг сказал, что информация конфиденциальна. Неужели...

— Не понимаю, о чём вы, — сказала она ровно, хотя сердце колотилось где-то в горле.

— Понимаешь. — Павел отошёл от окна и приблизился к столу. Теперь он стоял прямо над ней, нависая, как скала над пропастью. — Я видел твоё лицо вчера, когда ты смотрела на меня. Ты узнала эту татуировку. Ты видела её раньше. Где? Не лги мне.

— В материалах дела. На фотографиях вашего посёлка.

— Лжёшь. — Он произнёс это без злобы, почти равнодушно. — Но это неважно. Важно другое: здесь, в Благодатном, дар — это проклятие. Если узнают, что ты видишь больше, чем обычные люди, тебя убьют. Не я. Не по моему приказу. Просто убьют — и всё. Забьют камнями у ворот и скажут, что болото забрало ещё одну. Ты понимаешь, о чём я?

Он наклонился ниже, так близко, что она почувствовала его дыхание на своём лице. Запах травяного чая и чего-то ещё — того же пряного, тёплого, что она уловила вчера. Этот запах был странно притягательным, и Еве пришлось усилием воли подавить неуместную реакцию.

— Поэтому, — продолжил он, — мой тебе совет: молчи. Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответы. Ищи свою студентку — но тихо, осторожно, как мышь в амбаре. А когда вертолёт прилетит через месяц — уезжай. Забудь это место. И живи дальше.

Он выпрямился и отступил. Ева выдохнула — только сейчас она заметила, что всё это время не дышала. Его близость выбила её из колеи, но она быстро взяла себя в руки.

— А если я не уеду? — спросила она. — Если я останусь и дороюсь до правды?

— Тогда я не смогу тебя защитить.

— А вы собирались?

Они смотрели друг на друга через стол — двое чужих людей, связанных невидимой нитью напряжения, которую она не могла до конца понять. В его взгляде было слишком много всего: угроза и предостережение, да, но ещё — странная, почти болезненная заинтересованность, как у человека, который нашёл то, что давно искал, и теперь не знает, радоваться этому или бояться. Ева почувствовала, как в груди у неё что-то дрогнуло — то самое чувство, которое она запретила себе после развода. Она отогнала его усилием воли и сосредоточилась на деле.

— Ладно, — сказала Ева, прерывая затянувшуюся паузу. — Я услышала вас. А теперь, может быть, вы ответите на один простой вопрос: когда вы в последний раз видели Алису Ветрову? Не в общих словах — конкретно. Где, когда, при

каких обстоятельствах.

Павел вернулся к печи, провёл ладонью по тёплым изразцам. Кот на печи приоткрыл один глаз, посмотрел на хозяина и снова зажмурился.

— Двадцать пятого мая, — сказал он наконец. — Вечером. Она была у реки. Не у болота — у реки, с другой стороны посёлка. Стирала бельё. Я сказал ей, чтобы завтра же собирала вещи и уходила. Она рассмеялась и ответила, что никуда не уйдёт, пока не запишет все песни, которые знают наши старухи.

— И что вы сделали?

— Ничего. Ушёл. На следующее утро её уже не было. Вещи остались в доме, где она жила. Тетрадка с песнями, магнитофон, одежда. Всё на месте. Только хозяйки нет.

— Вы искали её?

— Искали. Всем посёлком. Прочесали лес на километр вокруг. Ни следа. Болото у нас большое — Чёрная топь. Если затянуло — не найдёшь. — Он развёл руками, и в этом жесте не было ни фальши, ни притворства — только усталость.

Ева доела остатки картошки, вытерла тарелку хлебной коркой. В голове складывалась картина — пока ещё разрозненная, как пазл, в котором не хватает половины деталей. Но одна деталь уже встала на место: Павел был не просто причастен — он был в центре событий. Вопрос в том, на чьей он стороне.

— Кто-нибудь ещё говорил с ней в тот вечер?

— Спроси у Анны. Алиса жила у неё.

Ева вскинула брови.

— У Анны? У вашей жены?

— Да. — Павел усмехнулся, и в этой усмешке ей почудилось что-то тёмное, запрятанное глубоко. — Анна у нас добрая. Всех привечает. Всех, кто приходит в Благодатное. — Он произнёс последнюю фразу так, что Ева невольно насторожилась. Добрая или... удобная?

За стеной что-то стукнуло — тихо, едва слышно. Ева обернулась. Дверь в горницу была приоткрыта, и в щели мелькнула тень — быстрая, серая, как мышь. Анна? Стояла и слушала? Или кто-то ещё? Этот звук был точно таким же, как вчера в доме Анны, и Ева поняла: кто-то следит за ней постоянно.

— Мне нужно идти, — сказала Ева, поднимаясь. — Спасибо за завтрак. И за совет.

— Не за что. — Павел остался стоять у печи, но теперь в его позе появилось что-то напряжённое, как будто он ждал чего-то. — Помни: за периметр не ходи. Лес здесь не такой, как в ваших городах. Он живой. И он голодный. Если хочешь жить — не давай ему повода.

Ева вышла на крыльцо. Улица была пуста — толпа разошлась, и только несколько старух сидели на завалинке у часовни, перебиваясь негромкими голосами. Завидев её, они замолчали и уставились на неё — не враждебно, но выжидающе, как будто знали что-то, чего не знала она.

В воздухе всё ещё висел запах гари — не лесного пожара, а чего-то другого, более древнего, как от костра, который горел здесь триста лет назад и до сих пор не погас. Этот запах теперь казался Еве предупреждением.

Ева направилась к дому Анны, но не успела сделать и десяти шагов, как дорогу ей преградила женщина. Та самая высокая, что вчера забивала гвозди в косяк. Сегодня она была без молотка, но смотрела так, будто не прочь была забить что-нибудь в саму Еву. Она стояла, уперев руки в бока, и напоминала каменное изваяние, которое могло в любой момент ожить.

— Ты к Анне идёшь? — спросила она.

— Да. А что?

— А то, что Анна — добрая. Слишком добрая. Не обижай её. — Женщина шагнула ближе.

Ева заметила, что на правой руке незнакомки не хватает двух пальцев — указательного и среднего. Культи были старые, зажившие, покрытые грубой рубцовой тканью. Она сразу вспомнила старуху, приносившую кашу, — у той была точно такая же травма. Значит, Ксения потеряла пальцы не случайно.

— И не верь всему, что говорят, — добавила женщина после паузы. — Здесь правда — как змея: у каждого своя, и у каждой — яд.

Она развернулась и ушла, не дожидаясь ответа. Ева проводила её взглядом. Высокая, прямая, с гордо поднятой го-

ловой — она не шла, а плыла над землёй, как будто гравитация имела над ней меньше власти, чем над остальными.

— Эй, — окликнула Ева. — Как тебя зовут?

Женщина обернулась. В её глазах на мгновение вспыхнуло что-то — не то насмешка, не то любопытство.

— Ксения, — бросила она. — Тётка Ксения. Запомни. Пригодится. — И скрылась за углом, оставив Еву в раздумьях. Ксения. Та самая, что позже сыграет ключевую роль в её расследовании. Та самая, что даст ей карту подземных ходов и приведёт общину к капищу.

У дома Анны Ева остановилась. Что-то изменилось. Дверь была приоткрыта — не настежь, но достаточно, чтобы внутрь мог проскользнуть человек. Изнутри доносился приглушённый голос — женский, но не Анны. Более высокий, почти детский, срывающийся на плач. Сердце Евы сжалось: этот голос напомнил ей о мальчике из Чертанова, о том, как она опоздала тогда. Сейчас она не опоздает.

Ева толкнула дверь и вошла.

Посреди комнаты стояла девушка. Молодая, совсем юная — лет девятнадцать, не больше. Худенькая, в застиранном ситцевом платье, с русой косой, переброшенной через плечо. Глаза у неё были красные, заплаканные, а руки дрожали, перебирая край передника. Она напоминала затравленного зверька, который готов был броситься наутёк в любую секунду.

Рядом с ней стояла Анна — всё такая же бледная, бесцвет-

ная, но теперь в её взгляде читалось что-то новое. Страх? Нет. Скорее, подавленное, загнанное вглубь отчаяние, которое прорывалось наружу лишь на мгновение.

— Что здесь происходит? — спросила Ева.

Девушка вздрогнула, обернулась. При виде Евы её лицо исказилось, и она попятилась к стене, выставив перед собой руки, будто защищаясь.

— Не бойся, — сказала Ева, поднимая раскрытые ладони. — Я не причиню тебе вреда. Меня зовут Ева. Я здесь, чтобы помочь.

Девушка замотала головой. Из её горла вырвался сдавленный всхлип.

— Уходите, — прошептала она. — Пожалуйста, уходите. Если они узнают, что я с вами говорила...

— Кто — они?

Вместо ответа девушка метнулась к двери и выскочила наружу. Ева бросилась за ней, но та уже скрылась за домами — только коса метнулась напоследок, как хвост испуганной лани. Ева замерла на пороге, глядя ей вслед. «Если они узнают...» Кто эти «они»? Община? Староста? Или кто-то ещё?

Она вернулась в дом. Анна стояла у стола, опустив голову, и молча перебирала сухие травы, разложенные на скатерти. Ромашка, зверобой, что-то ещё — горьковатый запах щекотал ноздри. Её пальцы двигались механически, как у человека, который привык занимать руки, чтобы не выдать волнения.

— Кто это была?

— Ульяна, — ответила Анна, не поднимая глаз. — Дочь кузнеца.

— Почему она плакала?

Анна помолчала. Потом подняла голову и посмотрела на Еву — долгим, изучающим взглядом, каким смотрят на человека, решая, можно ли ему доверять. Её бледное лицо казалось ещё более бледным, чем обычно, а в глубине голубых глаз застыл настоящий, неподдельный ужас.

— Потому что она — следующая, — сказала Анна шёпотом. — Она родилась в кровавую луну. Как и те, другие. Как и ты, кстати.

— Что значит — «в кровавую луну»?

— Это значит, что луна в ночь её рождения была красной. От затмения. Здесь это — знак проклятия. Если женщина родилась в такую ночь, она принадлежит Лесной ведьме. Рано или поздно та придёт за ней. Так было всегда.

Ева почувствовала, как внутри у неё всё сжалось. Она вспомнила свой день рождения — тридцать первое января. Затмение в ту ночь? Она не помнила. Но мать однажды сказала: «Ты родилась под тёмной луной. Может, поэтому такая... особенная». Эта фраза теперь отзывалась в ней глухим эхом страха.

— Я родилась в январе, — сказала она. — Вряд ли это была красная луна.

— Неважно. — Анна покачала головой. — Важно то, что

Ульяна боится. И она пришла ко мне, потому что больше ей идти некуда. Павел не поможет — он считает, что всё это суеверия. А старухи скажут: молись и смирись. Только молитвами тут не поможешь.

— Но вы не считаете это суевериями?

Анна не ответила. Она подошла к окну и выглянула на улицу, где всё так же сидели старухи у часовни, всё так же стучал чей-то молоток вдалеке, всё так же висел над землёй запах гари. В этом молчании было больше правды, чем в любых словах.

— Я считаю, — сказала она наконец, — что в этом посёлке есть вещи похуже суеверий. И одна из них — мой муж.

Она обернулась, и впервые за всё время их знакомства в её глазах промелькнуло что-то живое. Что-то жгучее, как уголь, присыпанный пеплом. Ева увидела в этом взгляде не просто обиду или страх, а нечто гораздо более глубокое — возможно, ненависть, которую та копила годами.

— Если хочешь найти убийцу, — сказала Анна, — ищи среди живых. Мёртвые здесь ни при чём.

Она взяла со стола пучок зверобоя и протянула его Еве.

— Положи под подушку. От дурных снов. Они тебе ещё понадобятся — сны. Ты ведь видишь сны, правда?

Ева взяла травы. Сухие листья пахли горечью и летом — тем летом, которое было здесь когда-то, до того, как начали пропадать женщины, до того, как построили частокол, до того, как вспыхнул первый костёр. Этот запах был резким и

обжигающим, и Ева поняла, что запомнит его навсегда.

— Да, — сказала она. — Вижу. И не только сны.

— Тогда будь осторожна. Сны здесь — это не просто сны. Они могут завести туда, откуда не возвращаются. — Анна смотрела на неё с той же странной смесью страха и решимости.

За стеной снова что-то стукнуло. На этот раз громче. Ева обернулась, но в дверях никого не было. Только тень — быстрая, ускользающая — метнулась за косяк. Сердце забилось чаще.

— Кто живёт за стеной? — спросила Ева.

— Никто, — ответила Анна. — Там кладовка. Раньше была жилая комната, но Павел забил окна досками. Сказал — незачем.

— Почему?

— Потому что из того окна видно болото. А на болото смотреть не велено. — Анна опустила глаза. — Он говорит, что оттуда может прийти беда. Что лучше не искушать.

Анна отвернулась и ушла за занавеску, давая понять, что разговор окончен. Ева осталась стоять посреди комнаты, сжимая в руке пучок сухого зверобоя. В голове крутился целый рой вопросов. Почему Павел забил окно? Кто подслушивал за стеной? И почему девушка по имени Ульяна, дочь кузнеца, уверена, что она — следующая в списке жертв? Она чувствовала, что ответы кроются где-то рядом, но пока ускользают от неё.

За окном тем временем снова начал сгущаться туман. Он наползал с болота медленно, неумолимо, как дышащий, живой организм. И где-то там, в глубине тайги, снова ухнул филин — одинокий, хриплый, похожий на чей-то далёкий зов. Ева вздрогнула: этот крик звучал как напоминание о том, что она здесь не просто гостья, а участница чужой, древней игры.

Ева сунула травы в карман куртки и вышла на крыльцо. В воздухе пахло дождём, дымом и чем-то сладковатым, приторным — так пахнет ладан, смешанный с палёным воском.

Точно так же, как в её видении.

Она посмотрела на свои руки. Пальцы дрожали — не от холода, не от страха. От предвкушения. Где-то в глубине сознания, в том тёмном углу, где жил её дар, что-то шевельнулось. Что-то проснулось и принюхалось к воздуху, как зверь, почуявший добычу. Она знала: теперь назад дороги нет. Она была здесь, чтобы найти убийцу, и дар, который она так долго считала проклятием, наконец-то начал работать на неё.

Игра началась по-настоящему.

Глава 4. Клетка из стыда

Дом Анны дышал.

Ева поняла это не сразу — только на вторую ночь, когда лёгкий, едва уловимый сквозняк прошёлся по комнате, заставив пламя лампадки дрогнуть, а половицы — скрипнуть где-то у порога. Дом дышал, как старый, больной зверь: глубоко, с присвистом, набирая воздух через невидимые щели и выдыхая его обратно, пропитанный запахами сухих трав, печного дыма и чего-то ещё — кисловатого, затхлого, как из погреба, который не открывали годами. Еве чудилось, что вместе с воздухом дом втягивает в себя и её мысли, её страхи, её воспоминания — а выдыхает обратно что-то чужое, тёмное, не предназначенное для посторонних.

Она лежала без сна, прислушиваясь. Ночь за окном стояла глубокая, безлунная — тучи, пришедшие с болота, затянули небо плотным серым одеялом, не оставив ни единого просвета. Где-то вдалеке, на краю посёлка, перекликались собаки — низким, утробным лаем, который резко обрывался, будто псы боялись собственного голоса. В остальном — тишина. Та самая, особенная, какой не бывает в городах: без гула машин, без шума лифтов, без соседского телевизора за стеной. Тишина, в которой слышно, как оседает пыль на подоконник, как потрескивает фитиль лампадки, как скребётся мышь где-то в подполе. Тишина, которая не успокаивает, а давит на уши, заставляя прислушиваться к каждому шороху.

Ева перевернулась на бок, подтянув колени к груди. Топ-

чан скрипнул, и этот звук показался ей оглушительно громким — как выстрел в ночном лесу. Она замерла, ожидая, что Анна за занавеской проснётся, заворочается, спросит что-нибудь своим безжизненным, лишённым интонаций голосом. Но за занавеской было тихо — только мерное, почти неслышное дыхание, ровное, как у человека, который давно разучился видеть сны.

Она думала об Ульяне.

Весь день после их короткой встречи Ева пыталась найти девушку, но та как сквозь землю провалилась. Дом кузнеца — приземистая изба на отшибе, у самой кромки леса — встретил её запертыми ставнями и злобным рычанием цепного пса. Пёс — огромный, чёрный, с налитыми кровью глазами — рвался с цепи так, что железные звенья звенели на всю округу. На стук вышел сам кузнец — огромный, кряжистый мужик с чёрной, прокопчённой кожей и руками, похожими на две кувалды. От него пахло железом, углём и потом — запах человека, который всю жизнь проводит у горна. Он выслушал вопрос о дочери, сплюнул под ноги и захлопнул дверь перед самым носом Евы, бросив напоследок:

— Нечего ей с чужими якшаться. И тебе не советую.

Ксению она тоже искала — но безуспешно. Та будто растворилась в лабиринте узких улочек и покосившихся заборов. Строгова обошла весь посёлок, заглянула в ольшаник за баней, даже рискнула подойти к дому, где вчера забивали гвозди в косяк, — но везде было пусто. Только ветер гонял

по улице сухие листья да старухи на завалинке провожали её долгими, нечитаемыми взглядами. Зато несколько раз Ева ловила на себе взгляды других жителей — быстрые, косые, как брошенный исподтишка камень. Женщины крестились при её появлении. Мужчины отворачивались. Дети, завидев её, убегали и прятались за юбками матерей. Одна маленькая девочка лет шести, столкнувшись с ней у колодца, заплакала и закричала: «Мамка, мамка, она меня заберёт!» — и убежала, не оглядываясь.

Она была чужой. Хуже, чем чужой — она была угрозой. И чем дальше, тем яснее Ева это осознавала. Благодатное не просто не принимало гостей — оно отторгало их, как организм отторгает инородное тело. Семь женщин до неё приехали сюда и не вернулись. И теперь, лёжа в темноте и слушая дыхание старого дома, Ева всё отчётливее понимала: она может стать восьмой.

Сквозняк усилился. Лампадка мигнула и едва не погасла, но устояла — тонкий язычок пламени выровнялся и снова замер, освещая иконы над столом. Богородица смотрела на Еву тёмными, строгими глазами, и в этом взгляде не было ни тепла, ни сострадания. Только суд. Ева невольно вспомнила слова матери, сказанные много лет назад: «Ты родилась под тёмной луной. Может, поэтому такая... особенная». Тогда она не придала этому значения. Теперь — придала.

Она села на топчане, спустила ноги на пол. Спать всё равно не получалось — слишком много мыслей роилось в го-

лове. Она нащупала в кармане куртки сигареты, но тут же вспомнила, что Анна попросила не курить в доме. «Дым оскверняет образа», — сказала она тем же безжизненным голосом, каким говорила всё остальное.

— Анна, — позвала Ева шёпотом. — Вы не спите?

Молчание. Потом — шорох ткани, и занавеска отдёрнулась. Анна стояла в проёме, закутанная в серую шаль, с распущенными волосами, которые в тусклом свете лампадки казались не русыми, а пепельными, почти седыми. Она была босая, и Ева заметила, что ступни у неё — маленькие, узкие, с неестественно поджатыми пальцами, будто она всю жизнь носила обувь на два размера меньше. Ева вспомнила старую китайскую традицию бинтования ног — нет, здесь было другое, но тоже результат многолетнего насилия над телом.

— Не сплю, — сказала Анна. — Я вообще мало сплю. Сны у меня... дурные.

— Можно задать вам вопрос?

— Задавай. — Анна опустилась на лавку у стола, сложив руки на коленях, как примерная ученица. — Вопросы — это единственное, что у меня здесь есть в достатке. Только ответов на них никто не даёт. А те, что даёт, — лучше бы их не было.

Ева пересела поближе. Теперь они сидели друг напротив друга — две женщины, разделённые столом с вышитыми петухами, лампадкой и целой пропастью жизненного опыта. Ева чувствовала исходящий от Анны холод — не физиче-

ский, а какой-то внутренний, словно та была вымерожена изнутри.

— Павел сказал, что Алиса жила у вас. Это правда?

— Правда.

— Почему вы не сказали мне об этом вчера?

Анна подняла глаза. В тусклом свете её лицо казалось вырезанным из старой слоновой кости — такое же бледное, гладкое и совершенно лишённое эмоций.

— Потому что за стеной слушают, — повторила она. — Я же предупреждала тебя в первый вечер. Стены здесь — не просто брёвна и мох. Они как уши. Впитывают каждое слово.

— Кто слушает? Павел?

— Не только. — Анна бросила быстрый взгляд на дверь, ведущую в забитую комнату. — Здесь у всех есть уши. У каждого дома, у каждого забора. Даже у мышей в подполе. Ты не представляешь, как быстро здесь разносятся слухи. Скажешь слово утром — к вечеру его знает весь посёлок. И не дай Бог, чтобы это слово не понравилось старосте. — Она сглотнула. — Была у нас одна... Полина. Журналистка. Сказала что-то не то. Через три дня её не стало.

Ева вспомнила список из папки Берга. Полина Свиридова, 26 лет. Первая жертва. Исчезла в августе 2013-го. Анна знала её имя — значит, была здесь уже тогда. Знала и молчала.

Она произнесла «староста» с той особой интонацией, с какой говорят о тюремном надзирателе. Не называя имени,

не позволяя себе лишнего, но вкладывая в одно-единственное слово всю накопившуюся за годы горечь. Ева слышала эту интонацию раньше — у женщин, которые годами терпели побои и наконец решались заговорить.

— Вы боитесь его? — спросила Ева.

Анна помолчала. Потом встала, подошла к печи и, приоткрыв заслонку, помешала угли кочергой. В комнату пахнуло жаром, и на мгновение её лицо осветилось — не отсветом пламени, а чем-то изнутри. Чем-то спрятанным глубоко, под слоем овечьей покорности. Ева заметила, как напряглись мышцы на её худой шее, как побелели костяшки пальцев, сжимающих кочергу.

— Я боюсь не его, — сказала она тихо. — Я боюсь того, во что он верит.

— Во что же он верит?

Анна закрыла заслонку и вернулась к столу. Села, расправила шаль на плечах и посмотрела на Еву долгим, изучающим взглядом. Так смотрят на человека, решая, можно ли ему доверить тайну, которая сожжёт обоих. Ева встречала такой взгляд раньше — у свидетелей, которые годами молчали, а потом вдруг решались заговорить.

— Ты слышала о Марфе? — спросила она наконец.

— О лесной ведьме? Кое-что. Берг упоминал её в своих материалах. Местная легенда.

— Легенда. — Анна горько усмехнулась. — Легенды не убивают женщин, Ева. Легенды не оставляют следов на зем-

ле. Легенды не шепчут по ночам. — Она помолчала. — Только она не всегда была легендой. Когда-то она была просто женщиной. Знахаркой. Жила здесь, в Благодатном, лечила людей травами, принимала роды. Говорят, красивая была — волосы чёрные, глаза зелёные, как у кошки. Мужчины за ней табуном ходили, но она никого не подпускала. Ждала кого-то. Какого-то особенного. Говорила, что он придёт из-за болота, из внешнего мира, и заберёт её отсюда. Не дождалась.

Анна говорила медленно, почти нараспев, и Ева вдруг поняла, что этот рассказ она повторяет не в первый раз. Может быть, десятки раз — самой себе, по ночам, когда сон не идёт. Может быть, Алисе — перед тем, как та исчезла. Может быть, и другим женщинам, которые приезжали в Благодатное и не возвращались.

— А потом пришли люди из Москвы. Солдаты, чиновники. Они искали староверов, жгли скиты, уводили людей в кандалах. Кто-то донёс, что Марфа — колдунья. Что она наводит порчу на скот и насылает болезни. Что она говорит с болотными духами и призывает нечистого. Её схватили, пытали, а потом сожгли. Прямо здесь, на том месте, где сейчас часовня. Говорят, она кричала так, что было слышно на том берегу болота. Говорят, она прокляла тех, кто её сжёг. Говорят...

— А вы верите в это? — перебила Ева. — В проклятие?

— Я верю в то, что видела своими глазами. — Анна под-

няла на неё взгляд. — Семь женщин. Семь смертей. И каждая — точь-в-точь как в легенде. Красная луна. Светлые волосы. Приезжая. Если это не проклятие, тогда что?

— Это может быть человек. Который использует легенду, чтобы скрыть свои преступления.

— Человек, который верит в легенду. — Анна усмехнулась — впервые за всё время их знакомства. Улыбка у неё была недобрая, кривая, как шрам. — А легенды, знаешь ли, имеют свойство оживать. Особенно когда в них верят достаточно сильно. Особенно когда в них верят триста лет.

— Павел верит?

— Павел одержим. — Анна понизила голос до шёпота, хотя в доме, кроме них, никого не было. — Он считает, что его род проклят. Что все первенцы мужского пола умирают рано, потому что его предок был среди тех, кто поджёг костёр. Его отец умер в тридцать два года. Его дед — в тридцать. Он боится, что умрёт так же. И он хочет искупить вину. Не просто хочет — он живёт этим. Каждую ночь он спускается в подвал и шепчет заклинания. Каждую ночь он листает «Красную книгу» и ищет способ снять проклятие.

— Каким образом?

— Он хочет воскресить её. — Анна посмотрела Еве прямо в глаза. — Марфу. Вернуть её к жизни, чтобы она простила его род. Чтобы проклятие было снято. Чтобы его дети не умирали молодыми.

В комнате повисла тишина. Даже лампадка, казалось, пе-

рестала потрескивать. Ева смотрела на Анну и пыталась переварить услышанное. Воскресить ведьму. Не метафорически — буквально. Вернуть к жизни женщину, сожжённую триста лет назад, чтобы она простила его род. Это звучало как бред сумасшедшего. Но в глазах Анны не было ни тени насмешки. Она говорила серьёзно — так серьёзно, что у Евы по спине пробежал холодок. И она вспомнила Павла там, у ворот, с книгой в руках. Вспомнила его лицо, освещённое пламенем факелов. Вспомнила, как он чертил в воздухе знаки — те самые спирали, которые она видела у него на запястье и на вороте косоворотки.

— Вы верите, что это возможно? — спросила она. — Воскресить человека?

— Я верю, что Павел верит. А когда такой человек, как он, во что-то верит — он готов на всё. На всё, понимаешь? — Анна подалась вперёд, и её пальцы сжались в кулаки на коленях. — Он не остановится ни перед чем. Ни перед кем. Он уже не остановился.

— Что вы имеете в виду?

— Те женщины, что пропали. — Голос Анны сорвался почти до шёпота. — Я не знаю, кто их убил. Богом клянусь, не знаю. Но я знаю, почему их выбрали. Все они родились в кровавую луну. Все были приезжими. Все были чужими этому месту. А для ритуала нужна чужая кровь. Кровь семи женщин, рождённых под тёмным знамением. Так написано в «Красной книге». Я знаю, я видела её однажды.

— В какой книге?

Анна осеклась. Прижала ладонь ко рту, будто сказала лишнее. Потом оглянулась на дверь, на окна, на занавеску, за которой они оставили спящего (или притворявшегося спящим) кота. Ева заметила, как дрожат её пальцы.

— Я не должна была этого говорить, — прошептала она. — Забудь. Пожалуйста, забудь.

— Анна. — Ева накрыла её руку своей. Ладонь у Анны была холодной как лёд, несмотря на жару от печи. Пальцы — тонкие, почти прозрачные, с обкусанными ногтями. Ева почувствовала, как под её прикосновением Анна напряглась, но руку не отдёрнула. — Я здесь, чтобы найти убийцу. Не важно, кто он — человек, ведьма или призрак. Но я не смогу это сделать, если вы не поможете мне. Что такое «Красная книга»? Вы сказали, что видели её. Где она? О чём в ней написано?

Анна подняла на неё глаза. В них стояли слёзы — не горя, не боли, а того самого отчаяния, которое Ева заметила при первой встрече. Отчаяния загнанного в угол зверя, который понимает, что выхода нет, но всё равно ищет лазейку. Ева вспомнила себя — пять лет назад, в кабинете психолога, когда её спросили, почему она не вошла в цех. Вспомнила, как сама сидела вот так же, сжимая руки в кулаки, и не могла произнести ни слова.

— Это гримуар, — сказала Анна. — Книга ритуалов. Её написал прадед Павла, тот самый, что был на костре. Андрей

Горелов. Тот, кто свидетельствовал против Марфы на суде. Он записал всё, что знал о ней: её заклинания, её обряды, её рецепты. Но главное — он записал, как её воскресить. Что для этого нужно. Какие жертвы принести. Книга передавалась по наследству, от отца к сыну. Сейчас она у Павла. Он держит её в подвале, в железном сундуке, под замком. Я видела её только раз, много лет назад, когда мы только поженились. Он показал мне её и сказал: «Это наше проклятие. И наше спасение».

— И вы думаете, что убийства связаны с этой книгой?

— Я думаю, — Анна сглотнула, — что кто-то следует инструкциям из этой книги. Кто-то, кто знает о ней и имеет к ней доступ. Кто-то, кто хочет воскресить Марфу — или остановить тех, кто пытается это сделать.

— Павел?

— Не знаю. — Анна покачала головой. — Он не убийца. Я прожила с ним пятнадцать лет. Я знаю его. Он жестокий, властный, упрямый — но он не стал бы убивать женщин. Он слишком... осторожный. Слишком боится за свою душу. Он может молиться о воскрешении, но сам — своими руками — он бы не смог. Для этого нужно... другое.

— Что — другое?

— Ненависть. — Анна подняла глаза. — Такая ненависть, которая живёт в человеке десятилетиями. Которая передаётся по наследству. Которая сильнее страха, сильнее совести, сильнее всего. У Павла такой ненависти нет. Он не ненави-

дит Марфу — он боится её. А у убийцы, кем бы он ни был, ненависть есть. И она чернее болотной воды.

— Тогда кто?

Анна опустила глаза. Её плечи поникли, и шаль соскользнула на пол, обнажив худые, острые ключицы. На шее у неё Ева заметила тонкий белый шрам — старый, заживший, почти незаметный в тусклом свете. Она не стала спрашивать о нём, но запомнила.

— Я не знаю, — повторила Анна. — Но я знаю, где можно найти ответ.

Она встала, подошла к печи и, пошарив рукой за приступкой, вытащила оттуда старый, закопчённый ключ. Металл был холодным, покрытым сажей и чем-то липким — не то маслом, не то старой кровью. Анна подержала его в ладони, словно взвешивая, потом протянула Еве.

— Это ключ от погреба. Не от того, что в доме — от того, что под амбаром. Там, на краю огорода. Павел хранит там свои бумаги. Я никогда туда не спускалась — он запрещает. Говорит, что женщине нечего делать в мужском деле. Но если ты хочешь узнать правду... — Она не договорила, но Ева поняла.

— Почему вы помогаете мне? — перебила Ева.

Анна замерла. Ключ дрожал в её пальцах, ловя отблески лампадки. Ева заметила, что на бородке ключа выгравирована спираль — та самая, что была на татуировке Павла. Символ, который преследовал её с самого московского видения.

— Потому что я устала бояться, — сказала Анна. — Я устала просыпаться каждое утро и думать: кого заберут сегодня? Ульяну? Ксению? Меня? Я устала быть женой человека, который смотрит на меня как на пустое место. Который ни разу за пятнадцать лет не сказал мне доброго слова. Который... — Она запнулась. Её голос дрогнул, и на мгновение Еве показалось, что она сейчас заплачет. Но Анна справилась с собой. — Который видит во мне только тень той, другой.

— Какой другой?

— Марфы. — Анна горько усмехнулась. — Он женился на мне, потому что я похожа на неё. Такие же светлые волосы — тогда они ещё не были седыми. Такие же голубые глаза. Он думал, что, женившись на потомке Марфы, он сможет её умилостивить. А вместо этого получил бесплодную смоковницу. — Она коснулась рукой живота — неосознанный, полный боли жест. — Я не смогла родить ему сына. И он возненавидел меня за это. Так же, как ненавидит себя.

Но Анна уже отвернулась. Она подобрала шаль, накинула на плечи и ушла за свою занавеску, оставив Еву наедине с ключом и вопросами, которых становилось всё больше.

Ночь тянулась бесконечно. Ева снова легла, но сон не шёл. Она крутила в пальцах ключ — тяжёлый, кованый, с бородкой сложной формы, — и думала о том, что Анна сказала и, главное, чего не сказала.

Почему Павел, одержимый идеей воскрешения ведьмы,

до сих пор не уничтожил книгу? Почему хранит её, как реликвию? И почему Анна, которая якобы так боится мужа, готова рискнуть всем, чтобы помочь чужой женщине, которую знает второй день? Что скрывается за этой внезапной откровенностью — искреннее желание справедливости или что-то другое? Что-то, чего Ева пока не могла разгадать?

Она закрыла глаза и попыталась представить лицо Анны, когда та говорила о муже. Гнев? Да, определённо. Боль — тоже. Страх — возможно. Но было там и что-то ещё — что-то, спрятанное под слоем овечьей покорности. Что-то, напоминающее...

Торжество.

Словно Анна ждала этого момента очень давно. Словно приезд Евы был для неё не угрозой, а долгожданным подарком судьбы. Словно все эти пятнадцать лет она не просто терпела — она готовилась. К чему?

Ева села на топчане. За окном по-прежнему было темно, но тишина изменилась. Собаки замолчали. Ветер стих. Даже мышь за печкой перестала скрестись. И в этой абсолютной, неестественной тишине она услышала звук, от которого кровь застыла в жилах.

Стук.

Ритмичный, монотонный, доносящийся откуда-то из-за частокола. Не топор, не молоток по гвоздям — что-то другое. Что-то более низкое, утробное, как будто били не по дереву, а по самой земле. Или по чему-то, что находилось

глубоко под землёй. Похоже на стук сердца — только очень большого, древнего, погребённого под толщей мха и торфа.

Ева встала, натянула джинсы и куртку, сунула нож в карман. Ключ от погреба положила в нагрудный карман — поближе к сердцу. Потом бесшумно, как учили когда-то в полицейской академии, выскользнула из дома. Задержалась на секунду у двери, прислушиваясь, не проснулась ли Анна, но за занавеской было тихо.

Улица встретила её холодом и туманом. Он стелился по земле, клубился вокруг брёвен, забирался под одежду липкими пальцами. Видимость была метров десять, не больше — дальше всё тонуло в серой, влажной мгле. Туман пах болотом — тиной, гниющими водорослями, метаном. Ева натянула капюшон и двинулась в сторону звука.

Стук продолжался. Теперь Ева слышала его отчётливее и могла определить направление. Он доносился от ворот — тех самых, через которые она два дня назад вошла в посёлок. Тех самых, где ночью её встретил Павел.

Она двинулась по улице, стараясь держаться в тени домов. Кроссовки мягко ступали по брёвнам мостовой, смоченным ночной росой. Где-то слева скрипнула калитка — Ева замерла, вжавшись в стену. Мимо прошёл мужчина с фонарём. Она узнала его — один из тех троих, что встречали её у ворот в первый день. Он шёл медленно, вразвалку, и что-то бормотал себе под нос — не то молитву, не то проклятие. Ева разобрала только обрывок: «...кровью искупим, кровью

спасёмся...». Фонарь в его руке качался, отбрасывая на стены пляшущие, неестественно длинные тени.

Когда он скрылся в тумане, Ева продолжила путь.

У ворот горели факелы.

Их было пять или шесть — воткнутых в землю, образующих неровный круг. Пламя колебалось на ветру, но не гасло — горело ровно, с тихим, угрожающим гулом. В центре круга стояли люди. Человек десять, может, двенадцать — все в длинных тёмных одеждах, с капюшонами, надвинутыми на лица. Они стояли молча, опустив головы, и слушали кого-то, кто находился в центре. Их фигуры в свете факелов казались не людьми, а тенями, сошедшими со стен древнего храма.

Ева подобралась ближе, прячась за поленницей, и всмотрелась.

В центре круга стоял Павел.

Он был без капюшона, в той же чёрной косоворотке с красной вышивкой, которую она видела утром. В одной руке он держал книгу — толстую, в потёртом кожаном переплёте, — а другой чертил в воздухе какие-то знаки. Те самые спирали. Его губы двигались, но слов Ева не слышала — только ритмичный, монотонный гул, похожий на заклинание. Гул этот сливался со стуком, идущим из-под земли, и вместе они образовывали жуткую, завораживающую мелодию.

А перед ним, на земле, лежало что-то, завёрнутое в белую ткань. Что-то длинное, узкое, напоминающее...

Свёрток пошевелился.

Ева зажала рот ладонью, подавляя вскрик. Свёрток извивался, дёргался, и изнутри доносился приглушённый, сдавленный звук — не то плач, не то стон. Ткань натянулась, обрисовывая контуры человеческого тела. Женского тела. На мгновение из складок показалась рука — тонкая, бледная, с красной нитью на запястье. Точно такая же нить, как в видении Евы. Нить, которая врезалась в кожу и оставляла кровавый рубец.

Ритуал продолжался. Павел перевернул страницу, и гул голосов стал громче. Факелы вспыхнули ярче, отбрасывая на частокол пляшущие тени, похожие на фигуры великанов. И среди этих теней Ева увидела ещё одну — отдельную, не принадлежащую никому из стоящих в кругу.

Тень стояла поодаль, у самой кромки леса. Высокая, тонкая, с развевающимися на ветру волосами. И она не была человеческой. В ней было что-то древнее, что-то, что существовало здесь задолго до того, как люди построили частокол и забили гвозди в косяки.

Ева моргнула — и тень исчезла.

Ритуал тем временем закончился. Павел закрыл книгу, и люди в капюшонах расступились. Двое подняли свёрток с земли и понесли его к воротам. Остальные начали гасить факелы, затаптывая их в грязь. Ева услышала, как кто-то произнёс: «Ещё одна. Ещё одна душа ушла к ней».

Ева поняла, что нужно уходить. Она попятилась, стараясь не шуметь, но предательская ветка хрустнула под ногой.

Звук разнёсся в ночной тишине громче выстрела.

Павел обернулся.

Их глаза встретились. Расстояние между ними было метров двадцать, но Ева могла поклясться, что видела каждую чёрточку его лица — жёсткую линию скул, глубокие тени под глазами, плотно сжатые губы. Он смотрел на неё — прямо, не мигая, и в его взгляде не было ни удивления, ни гнева. Только холодное, спокойное узнавание. Как будто он знал, что она здесь. Как будто ждал её. Как будто всё, что она видела, было спектаклем, разыгранным для единственного зрителя.

Ева отступила в тень и бросилась обратно к дому. За спиной послышались шаги — тяжёлые, уверенные. Кто-то шёл за ней, не торопясь, но и не отставая. Она не оглядывалась — боялась увидеть то, что увидит.

Она добежала до дома Анны, влетела внутрь, захлопнула дверь и привалилась к ней спиной. Сердце колотилось где-то в горле. Дыхание сбилось. В висках стучало. Перед глазами всё ещё стояла картина: свёрток, шевелящийся на земле; бледная рука с красной нитью на запястье; Павел с книгой в руках; тень у кромки леса.

Шаги за дверью остановились. Потом раздался голос — низкий, грудной:

— Завтра поговорим.

И тишина.

Ева стояла, прижавшись спиной к двери, и слушала, как

удаляются шаги. Потом сползла на пол, обхватив колени руками. Ключ от погреба врезался в грудь через карман куртки — холодный, твёрдый, как обещание, которое она дала сама себе. Она вспомнила Чертаново — двадцать семь минут страха, которые стоили жизни ребёнку. Сейчас она не повторит эту ошибку. Не отступит. Не закроет глаза.

В комнате было темно, только лампадка всё так же мерцала перед иконами. Богородица смотрела на Еву с укоризной, будто говоря: «Я предупреждала. Я всех предупреждаю. Но никто не слушает».

За занавеской послышался шорох. Потом голос Анны — тихий, но отчётливый, лишённый сна:

— Ты видела его?

— Да.

— Тогда ты понимаешь. Он не остановится. Ни перед чем. Никогда.

Ева закрыла глаза и прижалась затылком к холодному дереву двери. В голове крутился образ — свёрток, который шевелился. Женское тело, завёрнутое в белую ткань. И Павел, стоящий над ним с книгой в руках. И красная нить на тонком запястье — точно такая же, как в её видении.

Она не знала, что это было — ритуал, жертвоприношение или что-то ещё. Но одно она знала точно: завтра разговор со старостой будет совсем не таким, как сегодня. И она должна быть к нему готова.

Где-то в лесу снова заухал филин. Его крик разнёсся над

посёлком, над частоколом, над болотом — хриплый, торжествующий, похожий на смех. Смех того, кто знает финал этой истории. И кому этот финал определённо нравится.

Ева стиснула в кулаке ключ от погреба и заставила себя подняться. Завтра она спустится в подвал. Завтра она найдёт «Красную книгу». А пока — нужно просто дожить до рассвета.

Глава 5. Первая жертва

Утро началось с крика петуха — хриплого, надсадного, будто птица сама не верила в то, что возвещает. Ева открыла глаза и несколько секунд просто лежала, глядя в закопчённый потолок, по которому от печного жара ползли тонкие, как паутина, трещины. За ночь она не сомкнула глаз и на час — всякий раз, когда дремота начинала затягивать её в своё вязкое марево, перед внутренним взором вспыхивал свёрток, шевелящийся на земле. Белая ткань, натянутая до предела. И Павел, стоящий над ним с книгой в руках. Красные отблески факелов на его лице. И низкий, утробный стук, доносившийся откуда-то из-под земли, — стук, который преследовал её даже в коротких провалах забытья, как сердцебиение огромного зверя, спящего под корнями деревьев.

Она села на топчане, растирая затёкшие плечи. Мышцы ныли так, будто она не лежала, а таскала мешки с песком. За занавеской было тихо — Анна либо ещё спала, либо уже ушла по каким-то своим делам, бесшумно, как тень. Ева натянула джинсы и куртку, проверила нож во внутреннем кармане, поправила шнурки на кроссовках. Ключ от погреба, который дала Анна, всё ещё лежал в нагрудном кармане, и она чувствовала его тяжесть при каждом движении — не физическую даже, а какую-то иную, словно он был сделан не из металла, а из обещания. Или из угрозы. Она вспомнила, как Анна вложила его ей в ладонь, как дрожали её тонкие, холодные пальцы. Что это было — искренний порыв или хо-

рошо продуманный шаг? Ответа пока не было.

Она вышла на крыльцо. Улица была пуста, только у колодца маячила фигура в сером платке — та самая старуха, что приносила ей кашу в первый вечер. Завидев Еву, она торопливо перекрестилась и засеменила прочь, расплескивая воду из вёдер. Туман ещё не рассеялся, висел над землёй плотными белёсыми пластами, и в этом тумане всё казалось зыбким, ненастоящим. Частокол на окраине выглядел не границей посёлка, а краем мира — за ним не было ничего, только серая муть, из которой доносились редкие, глухие удары. Будто кто-то бил по дереву кулаком. Или головой.

Ева направилась к воротам — туда, где ночью горели факелы. Ей нужно было увидеть это место при свете дня, без пляшущих теней и заклинаний, звучащих вполголоса. По пути она миновала дом кузнеца. Пёс на цепи даже не залаял — просто поднял голову, посмотрел на неё слезящимися глазами и снова уронил морду на лапы. В его взгляде читалось что-то похожее на обречённость. Ева вспомнила Ульяну — дочь кузнеца, которая вчера плакала в доме Анны. «Она — следующая», — сказала тогда Анна. И сейчас Ева почувствовала, как внутри у неё всё сжалось от дурного предчувствия.

У ворот всё было иначе, чем ночью. Никаких факелов, никакого круга. Только вытоптанная трава, присыпанная свежей золой, да несколько обгоревших палок, брошенных у частокола. Ева присела на корточки и провела рукой над землёй, не касаясь её — просто сканируя пространство своим

чутьём. Холодок пробежал по пальцам. Здесь точно что-то было. Здесь остался след — не вещественный, не отпечаток в грязи, а тот самый, который она умела читать безошибочно. Страх. Боль. Отчаяние. Всё это ещё витало в воздухе, как запах гари после пожара. Её дар впитывал эти эманации, и она чувствовала, как внутри неё самой поднимается волна чужого ужаса — того ужаса, который испытывала женщина, завёрнутая в белую ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.